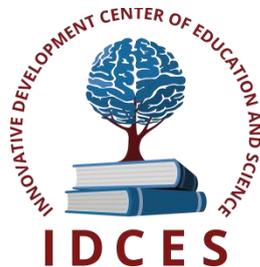

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

**Современная юриспруденция: актуальные вопросы
и перспективы развития**

Выпуск IV

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(11 сентября 2017 г.)**

г. Уфа

2017 г.

УДК 34(06)
ББК 67я43

Современная юриспруденция: актуальные вопросы и перспективы развития.
/ Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции.
№ 4 . г. Уфа, 2017. 68 с.

Редакционная коллегия:

гранд доктор философии, академик, профессор, член-корреспондент, заслуженный деятель науки и образования РАЕ Апсалимов Рашит Галемзянович (г.Миасс), доктор исторических наук Быкова Анастасия Геннадьевна (г. Омск), доктор юридических наук, профессор Васильев Федор Петрович (г.Москва), кандидат юридических наук Голубева Лада Анатольевна (г. Гатчина), кандидат юридических наук Грузинская Екатерина Игоревна (г. Новороссийск), кандидат юридических наук, доцент Закиров Радик Юрьевич (г. Казань), кандидат юридических наук Киракосян Сусана Арсеновна (г. Новороссийск), доктор юридических наук, профессор Кириченко Александр Анатольевич (Украина, г. Николаев), доктор юридических наук, профессор Комарова Валентина Викторовна (г.Москва), кандидат юридических наук, доцент (судья в отставке) Корниенко Валерий Тарасович (г.Волгодонск), кандидат юридических наук, доцент Краснова Кристина Александровна (г. Москва), кандидат исторических наук, доцент Кружалова Людмила Валерьевна (г.Санкт-Петербург), кандидат юридических наук Кудинов Владимир Владимирович (г.Курган), кандидат политических наук, доцент Лебедева Маргарита Леонидовна (г. Москва), кандидат юридических наук Павлова Арзулана Акромовна (г. Якутск), кандидат юридических наук, доцент Потапов Михаил Григорьевич (г. Новосибирск), кандидат юридических наук, доцент Решняк Мария Генриховна (г.Москва), кандидат юридических наук Сирик Марина Сергеевна (г.Тихорецк), доктор исторических наук, член-корреспондент РАЕ Сопов Александр Валентинович (г.Майкоп), кандидат юридических наук, доцент Трунина Екатерина Владимировна (г. Саранск), кандидат юридических наук, доцент Усманова Елена Фанильевна (г. Саранск), кандидат юридических наук, доцент Шикуча Ильмира Рифкатьевна (г.Москва), кандидат исторических наук Юрова Ксения Игоревна (г.Сочи).

В сборнике научных трудов по итогам IV Международной научно-практической конференции **«Современная юриспруденция: актуальные вопросы и перспективы развития»**, г. Уфа представлены научные статьи, тезисы, сообщения студентов, аспирантов, соискателей учёных степеней, научных сотрудников, докторантов, практикующих юристов Российской Федерации, а также коллег из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов. Материалы размещены в сборнике в авторской правке.

Сборник включен в национальную информационно-аналитическую систему "Российский индекс научного цитирования" (РИНЦ).

© ИЦРОН, 2017 г.
© Коллектив авторов

Оглавление

СЕКЦИЯ №1.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;

ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ 6

НАСЛЕДОВАНИЕ ИМУЩЕСТВА В ПРАВЕ СТАРОВАВИЛОНСКОГО ЦАРСТВА
(НАЧАЛО XIX – СЕРЕДИНА XVI ВВ. ДО Н.Э.). ИНСТИТУТ УСЫНОВЛЕНИЯ
Никитина А.Д. 6

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК ВЫРАЖЕНИЕ
ПРЯМОЙ И ОБРАТНОЙ СВЯЗИ ПРАВА И РЕЛИГИИ В СОВРЕМЕННОМ
ГОСУДАРСТВЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
Скурко Е. В. 11

О СОВРЕМЕННОЙ ПЕРЕОЦЕНКЕ СТОЛЫПИНСКОЙ ВОЕННОЙ
И ВОЕННО-ПОЛЕВОЙ ЮСТИЦИИ
Соломко З. В. 13

ЮРИДИЧЕСКИЙ ЗАКОН И ЗАКОН ПРИРОДЫ В ТЕОРИИ Г. КЕЛЬЗЕНА
Фролова Е.А. 15

СЕКЦИЯ №2.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО 17

ЗНАЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ
Быченков Г.В. 17

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В ГОСУДАРСТВАХ, ВХОДЯЩИХ В ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ
И СОДРУЖЕСТВО НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ГРАНИЦЕ
Кудинов В.В., Минаев А.В. 19

СЕКЦИЯ №3.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО 26

НЕКОММЕРЧЕСКИЕ КОРПОРАЦИИ КАК СТОРОНА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ
ДОГОВОРОВ
Жмаев А.Н., Чулкова О.С. 26

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ЕДИНСТВО – ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ПРИЗНАК
КОРПОРАЦИИ
Жмаева Н.Е., Придворова М.Н. 29

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ
Латфулина Н.Ш. 30

ВОПРОСЫ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО
НЕПРАВОМЕРНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ СРЕЗ
Луполянская В.А., Никитенко И.В. 33

ПРОБЛЕМЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО НАЛОГОВЫМ
ПРЕСТУПЛЕНИЕМ В РАМКАХ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
Луполянский Д.О., Пархоменко А.Г. 36

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИМУЩЕСТВОМ Мусаева Э.Д. ¹ , к.п.н. Газзаева М.Т. ²	39
ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В КОНСТИТУЦИИ РФ И ДРУГИХ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТАХ Черепанова Е.А.	41
СЕКЦИЯ №4.	
ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ	43
К ВОПРОСУ О ГАРАНТИЯХ И КОМПЕНСАЦИЯХ РАБОТНИКАМ, ЗАНЯТЫМ НА РАБОТАХ С ВРЕДНЫМИ И (ИЛИ) ОПАСНЫМИ УСЛОВИЯМИ ТРУДА Короткова Е.А.	44
СЕКЦИЯ №5.	
ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО;	48
СЕКЦИЯ №6.	
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО	49
НАСИЛИЕ ПРИ СОВЕРШЕНИИ РАЗВРАТНЫХ ДЕЙСТВИЙ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ? Алиева Е.А.	49
СЕКЦИЯ №7.	
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	50
МЕДИАЦИЯ: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ Дубровин В.В.	51
РЕАБИЛИТАЦИЯ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ НАРУШЕННЫХ ПРАВ: НЕДОСТАТКИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ Дубровин В.В.	53
ПРАВО ОБВИНЯЕМОГО НА РАССМОТРЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ОСОБОМ ПОРЯДКЕ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ГРУППЕ Касаткина С.А.	56
НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ФРАНЦИИ Усачев А.А., Котлярова Л.Н.	60
СЕКЦИЯ №8.	
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО	62
СЕКЦИЯ №9.	
СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	62
СЕКЦИЯ №10.	
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО	62
СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Трунина Е.В.	62

СЕКЦИЯ №11.	
ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС.....	65
ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2017 ГОД.....	66

**СЕКЦИЯ №1.
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ**

**НАСЛЕДОВАНИЕ ИМУЩЕСТВА В ПРАВЕ СТАРОВАВИЛОНСКОГО ЦАРСТВА
(НАЧАЛО XIX – СЕРЕДИНА XVI ВВ. ДО Н.Э.). ИНСТИТУТ УСЫНОВЛЕНИЯ**

Никитина А.Д.

Д.и.н., магистр педагогики, доцент кафедры гражданского права и процесса
Российский государственный социальный университет, г. Москва

Благодаря активному развитию в последние годы в современном российском праве института наследования, юристы и правоведа начали активно интересоваться историей возникновения указанного института в рамках появления и развития таких правоотношений, которые в современном праве можно отнести к такой отрасли права как гражданское. Также большой интерес вызывает возникший в рамках наиболее активно развивавшегося в древности семейного права институт усыновления, непосредственно связанный с наследованием (также, как и в случае с гражданским правом, мы рассматриваем термин «семейное право» только в качестве общего семантического определения, объединяющего все правовые казусы обязательственного и правоприменительного характера, возникающие в рамках семейных отношений, но не претендуем на проведение полной аналогии с одноименной современной отраслью права). При этом исследование данных вопросов требует активного обращения к древневосточному юридическому наследию [1,2,4,5].

Для их более подробного изучения мы рассмотрим имеющиеся в распоряжении ученого источники, санкционированные публичной властью и относящиеся к указанному периоду, те из них, которые содержат наименее изученный аспект, связанный с наследованием при усыновлении. Также нами будут исследованы обязательственные документы, рассматривающие правовую категорию усыновления в обычном праве.

Прежде чем мы приступим к рассмотрению институтов наследования и усыновления, необходимо указать, что в отличие от современного права (к примеру, российского), где и первое, и последнее представляют собой акты одностороннего волеизъявления (сделки одностороннего характера), в старовавилонском праве они оформлялись в виде двухсторонней сделки (или же многосторонней). Учитывая этот факт, мы позволили себе применить по отношению к подобным сделкам юридический термин «договор».

В качестве второй (или же третьей) стороны в данном случае выступали ни сами наследники или усыновленные, а их родственники или представители совета старейшин общины (становившиеся здесь своеобразными поручителями в правильности исполнения подобного договора).

Нормативной базой для нас будут служить знаменитые законы Хаммурапи (вторая четверть XVIII в. до н.э.).

В законах Хаммурапи институту наследования посвящены статьи со 165 по 184. Наследниками также могут быть признаны дети-сыновья блудницы, если у собственника нет детей от законных жен. Дети, рождённые рабыней, если они признаны отцом, также имеют определённые права на наследство, но первоочередными будут именно наследники от законной жены. Дочери, если они не являются жрицами, как и в предыдущем документе, не могут получить статус наследника, но имеют право на приданное при выходе замуж (ст.176-184).

Если прямых наследников мужского пола у общинника нет, тогда собственность (прежде всего – недвижимое имущество) переходит к другим родственникам-мужчинам, которых в современном праве называют наследниками второй, третьей или даже четвертой степени.

Таким образом, если у свободного человека (собственника) нет наследника мужского пола, то, чтобы продолжить свой род и получить заботу в старости и после перехода в мир иной, что для жителя этого региона было даже более важным, необходимо было получить его при помощи усыновления.

Усыновлению посвящены примыкающие к вышеизложенным статьи со 185 по 193. Первые три статьи оговаривают права свободных граждан и дворцовых слуг по отношению к усыновленным. Так биологические родители усыновленного свободным общинником могут потребовать вернуть его при помощи обращения в суд с иском приемным родителям по возвращению своего ребёнка, но только в том случае, если ребёнок «...не был усыновлен сразу при рождении (в родовых тканях – *ina mešu*)» [8, p.118-

119]. Приемные дети дворцовых и храмовых слуг не возвращались родственникам. И, как гласят статьи 192 и 193, за отказ от приемных родителей, служащих во дворце или храме, и самовольный уход от них, санкцией для приемного сына будут тяжкие физические увечья (запретительные нормы).

Правовая специфика указанных законов, в целом, отвечает общему внутривосточному замыслу создания правового свода законов, которого придерживался Хаммурапи, наиболее жёстко и конкретно контролируя как собственность царских и храмовых слуг, и жрецов, так и их деятельность. При этом, нельзя забывать о, параллельно проводимых царем, административных реформах, одна из которых состояла в полном подчинении храмов в административном и хозяйственном отношении его власти.

Далее в статьях 188 и 189 сообщается о ремесленнике, который должен передать своему приемному сыну свое ремесло, в противном случае сын может оставить его. К этим статьям примыкает логически близкая по смыслу статья 190, в которой разъясняется, что если собственник не причислил воспитанного в его доме ребёнка к сыновьям, то он (ребёнок) может вернуться в дом своего отца.

Однако если он работал в доме приемного отца, то ему, как отверженному приемному сыну, положено по закону (ст.191) из движимого имущества собственника 1/3 его т.н. наследственной доли [8, p.118]. Хотя бывший наследник и не получает прав на недвижимость после смерти его отца, его права, таким образом, защищены законом.

Итак, в документах, санкционированных публичной властью, регулируются только общие правила наследования, в том числе и при усыновлении.

При этом если сравнить правовые нормы хронологически более ранних законов царя государства Иссин-Ларса Липит-Иштара (конец XX в. до н.э.) с законами Хаммурапи, то мы обнаружим значительное расширение прав царских и храмовых служащих, которые в интересующем нас аспекте усыновления получили больший объем прав по отношению к приемным детям, чем свободные общинники.

Для последних все конкретные казусы должны были разбираться при открытии производства по делам на основе обычного права, а в более поздний период (к середине II тыс. до н.э.), в рамках составления устного или письменного документа, близкого по своему правовому статусу к современному институту завещания.

Как указывает известный французский исследователь Д. Шарпен, именно со II тыс. до н.э. начинается эволюция частной юридической практики, где письменное фиксирование документов, наряду с произнесением магических клятв и обрядов членами сделки и свидетелями, становится общеобязательной практикой [6, p. 131].

Одной из причин составления одного или нескольких документов для передачи наследственной массы или её отдельных активов являлось усыновление. Голландский ученый Р. Вестбрук считает, что документы по усыновлению, прежде всего, демонстрируют имущественные отношения при наследовании. Однако, по нашему мнению, чаще всего они объединяют как имущественные, так и семейные правоотношения (иногда и не только их) [12, p. 391-393].

Рассмотрим несколько частноправовых документов, посвященных подобным прецедентам.

Говоря о документах об усыновлении, необходимо, прежде всего, отметить, что их можно разделить на несколько групп: простое усыновление; усыновление, предполагающее передачу наследства и правовые казусы, связанные с передачей наследства по усыновлению, а также усыновление раба с предварительным очищением от рабства, которое также может быть связано с последующим наследованием имущества. Для нас наиболее интересными являются второй и третий типы источников. Однако в начале, обратимся к самому простому из них - первому.

Типичный документ обычного усыновления состоит из введения, где указаны имена усыновителей и имя усыновлённого, которого они берут в усыновление, а также имена биологических родителей. Далее говорится о том, что даже если у семейной пары будут другие дети, то он или она останутся законными и старшими детьми. Следующая часть содержит две казуистические формулы. Первая из них определяет дальнейшую санкцию по отношению к усыновленному, если он откажется от приемных родителей («...ul abī atta ul ummi atti...») - ты не мой отец, не моя мать), вторая – наказание приемных родителей, если они откажутся от ребёнка («...ul maḡuni atta...») - ты не наш сын).

В первом случае, усыновленному сбривают волосы на голове (приравнивают к рабам) и, чаще всего, продают за серебро (в рабство). Во втором – усыновители лишаются части имущества. При этом в данном случае, как мы можем видеть из источников, существовали различные правовые традиции. В документах из Сиппара (8, 9 и 10) приемному сыну полагается доля наследства, которая состоит из движимого имущества, находящегося в доме. Её размер, в отличие от публичноправовых источников, заранее не оговаривается. В

табличке из Ниппура (11) четко указано, что доля, которую получит усыновленный составляет 10 сиклей серебра, что составляет примерно $\frac{1}{4}$ наследственной доли (т.е. меньше положенной по закону) [11, р. 21-26].

В некоторых случаях (как в документе 12) усыновляется не чужой ребёнок, а свой собственный, который не был рожден в законном браке. В таких табличках всегда указывается, что законная супруга не будет вчинять иски по отношению к приемному ребёнку и его биологической матери [11, р. 26].

В заключительной части, как и в любом юридически грамотно оформленном документе, упомянуты имена свидетелей (с их печатями), год и место написания таблички.

Такой тип источников, как мы выяснили, имеет двойной правовой статус. С одной стороны, защищаются интересы усыновителей, с другой стороны, права усыновленных и их родственников. Учитывая санкции, применяемые к усыновленному за отказ от приемных родителей, мы можем предположить, что договоры подобного типа являлись для обнищавших общинников и биологических родителей выходом из сложной экономической ситуации в семье, позволяя пристроить своих детей в бездетные семьи в качестве слуг и работников. Таким образом, их положение было лучше рабского, прежде всего, тем, что их нельзя было продать (без доказательства вины) и отказаться от них [12, р. 391-393].

При этом с правовой точки зрения само усыновление было очень важным юридическим актом, предполагающим дальнейшее вступление приемного сына не только в семейные, но и в имущественные отношения, т.к. позволяло в дальнейшем претендовать на долю наследства приемных родителей. Как отмечает французский исследователь Д. Шарпен, в случае утери такого документа могла помочь только клятва усыновленного, которая подтверждала, прежде всего, тот факт, что документ с его усыновлением имелся и не был уничтожен, а приемный сын не был лишён наследства [6, р. 148-149].

Однако, по нашему мнению, если рассматривалось наследование частной собственности, была необходима не только клятва усыновленного, но и, прежде всего, клятва свидетелей правового прецедента.

Известный российский специалист по римскому праву Л.Л. Кофанов предложил сравнить рассматриваемый нами договор наследования с римским установлением личной связи между участниками перехода права собственности от одного участника сделки к другому (*nexum*), носившим также и сакральный характер.

Общие черты прослеживаются также и в том, что исполнитель обязательства-*nexum* принимал на себя личную ответственность за неисполнение последнего, как и усыновленный, который должен был как при жизни, так и после смерти приемного родителя содержать и поддерживать своего патрона и совершать необходимые сакральные ритуалы в храмах в память умершего наследодателя. Несоблюдение его обязанностей как наследника, связанных с принятием доли или всей наследственной массы, могло повлечь санкции со стороны свидетелей или других родственников умершего (см. также: 3, с. 202-210).

Если же мы обратимся к началу изучаемого периода, когда устная традиция составления документов не утратила своей правовой значимости и активно применялась, то увидим, что табличка, фиксирующая усыновление, нужна была не столько при утрате документа, сколько при его формальном отсутствии. К примеру, в табличке 62 из Сиппара (переведенной Д. Шарпеном) разбирается дело о наследстве некоего Инанна-Мансума, главного палача богини Аннунитум. Автор письма, сын последнего, сообщает о том, что его брат Куббурум имеет право на часть наследства после смерти отца. Когда же у самого Инанна-Мансума спрашивают о доли наследства его сына Кубуррума, то он сообщает, что на данный момент он такого сына не имеет. Указанный Куббурум, действительно, проживает в его доме, т.к. изначально был сыном арендаторов части его собственности, и был взят им на воспитание. Таким образом, и сам собственник, а после его смерти и секретарь городского совета (как свидетель) могли подтвердить или опровергнуть правовой статус усыновленного в вопросе предоставления ему наследства. В данном случае, согласно приведенному выше закону, Куббурум, как и автор письма, получили только доли от движимого имущества собственника, дом же остался за его родным сыном и продолжателем династии Ур-Уту [10, р. 104-105].

По нашему мнению, некий воспитанник, считавшийся фактически сыном своего патрона (но не юридически) мог проживать в его семье на правах законного сына, не имея специального юридического документа. Такой документ часто составлялся уже перед смертью отца-собственника или сразу после неё при помощи вышеуказанной клятвы его самого и свидетелей (к примеру, как в табличке 15 из Сиппара) [11, р. 31-32].

Источники такого типа, названного нами вторым, встречаются значительно чаще, чем таблички первого типа [9, р. 18-24; 11, р. 26-45; 10, р. 74-78, 80-82, 84-88, 92-105].

Рассмотрим структуру подобных источников. В начале текста обычно указываются наследники и наследодатели (приемные отец и мать). Во второй части документа предельно четко описываются виды

имущества, входящие в объекты наследования данных лиц. Отдельно (как в документе 16) отмечается наличие имущества, обремененного долгами.

Далее указывается, что пока собственник имущества не умер, собственность принадлежит ему и усыновленный наследник должен поддерживать и оказывать уважение последнему (такой тип документов мог также юридически закреплять то, что в современном праве называется договором ренты [12, р. 391-393]). Иногда немощному собственнику определялось содержание (как в документе 21, где строках 26 и 27 таблички говорится, что тот из приемных детей, кто не предоставит содержания, лишится отцовства) [11, р. 40-42].

Если по данному делу один, то в документе всегда указывалось, что ему будет принадлежать все «от соломы до золота» (*ištu adi ħurāšim*). В том случае, если наследников много, в завершающей части документа (перед именами свидетелей и датой, как в документе 16 и 22) всегда отмечалось, что в будущем ни братья, ни их наследники, кто бы то ни было, не будут подавать иски и оспаривать содержание завещания. Далее идет клятва богами и именем правящего царя (как в документе 21) [11, р. 32-34, 40-42].

Таким образом, в данном типе документов мы наблюдаем объединение двух различных правоотношений. Они близки между собой по объективным и по субъективным признакам и осуществляются на договорной основе, но уже выступают как самостоятельные правовые категории. Наследование, для подтверждения правильности и законности которого и составлялись, прежде всего, такие таблички, предполагает здесь вступление в семейные отношения в рамках института усыновления.

Также одним из вариантов второго типа источников является разбор различных юридических казусов. Среди них наиболее интересен документ 34 из Сиппара (переведенный Д. Шарпенон) состоящий из трех частей [10, р. 74-78].

Первая часть представляет собой один из примеров второго типа источников. Отдельно указано, что собственница (некая жрица Белиссуну) имущества может отказаться от усыновления и те, кто дает ей содержание не будут (в этом случае) иметь право на её имущество.

Вторая часть рассматривает своего рода виндикационный иск двоюродных сестер Белиссуну к ней, по поводу истребования части имущества, завещанного ею два года назад другой жрице - Аамат-Мату. После проверки подлинности документов, удостоверяющих собственность жрицы, судом храма Шамаша и торгового сообщества Сиппара, она была признана единственной законной собственницей.

Третья часть описывает события, произошедшие после смерти Белиссуну. Табличка, содержащая текст завещания, была утеряна дядей жрицы Аамат-Мату. Но, поскольку, имелись свидетели, подписавшие её, судьи храма и торгового сообщества Сиппара присудили передать всё имущество покойной ей вместе со старыми документами собственности, оставшимися от Белиссуну.

Таким образом, мы наблюдаем два судебных процесса в рамках одного дела по наследованию, с одними и теми же объектами наследования. В обоих случаях суд признавал право наследников по завещанию. Но, во втором случае, законность такого решения была подтверждена составленным при свидетелях документом удочерения.

Подобное решение со стороны представителей торговой общины было, прежде всего, продиктовано внутрисполитической конъюнктурой. Документ был составлен во время правления царя Самсуилуны, т.е. после упомянутой реформы Хаммурапи, присоединившей храмовые хозяйства к государственной (царской) собственности, а также, после его судебной реформы, предполагавшей контроль царских чиновников над судопроизводством и возможное участие в нем. В качестве подтверждения нашей гипотезы мы можем указать на то, что среди свидетелей упомянут один из глав города – *gabīānum*.

Третий тип источников очень близок по своему содержанию к первому [11, р. 46-63]. Кроме обязательных пунктов, характерных для документов усыновления, в начале таких текстов всегда упоминается, что приемный отец очистил лоб (лицо) усыновленного. В конце также имеется существенное отличие. Перед именами свидетелей присутствует немного другая казуистическая формула, гласящая, что если усыновленный не признает своего отца, то он должен быть подвергнут наказанию как свободнорожденный.

Интересно также отметить, что при очищении раба в разных правовых традициях, существовавших на севере и юге Месопотамии, произносились разные сакральные формулы. В Ниппуре, к примеру, как указано в документе 28, предоставляли ему “освобождение” (*amārgīni ingar*) [11, р. 52-53].

С одной стороны, документы третьего типа близки к первому и содержат своеобразный вид охранительных правоотношений, дающих усыновленному особый юридический статус, который может сделать его наследником части (или всего) имущества приемных родителей, т.е. он формально перестает

быть объектом права. С другой стороны, такие источники не отражают двойного правового статуса участников сделки. Если усыновитель вступает в семейные правоотношения с сыном (или дочерью) свободнорожденного, то законы, как мы видели, обязывают его нести определённую финансовую ответственность при расторжении таких обязательств, что не происходит в данном случае.

В заключении необходимо отметить, что институт наследования в изучаемый период, как мы могли убедиться на основе детального изучения источников частного права по усыновлению, активно развивается не только в рамках семейного права, но и приобретает характерные элементы имущественного права, которое в современной юридической науке регулируется отношениями наследственного права.

Источники права, санкционированные публичной властью и ориентированные в большей степени на закрепление правового положения частных и храмовых слуг и жрецов, демонстрируют общий формальный подход к регулированию исследуемых вопросов. Стараясь исключить из правового поля женщин (кроме вышеперечисленных категорий), законы защищают, прежде всего, права собственника, учитывая, при этом, также права только тех детей свободных общинников, которым их приемный отец не отказал в усыновлении. При этом, как показывают данные источников частного права, размер выплат, установленный по закону (1/3 наследственной доли, не включающей недвижимость, согласно 191 закону из кодекса Хаммурапи), не всегда был четко определён (вероятно, установленная 1/3 наследственной доли – максимальные выплаты в подобном случае).

Процедура усыновления, отраженная в источниках частного права, оформлялась при помощи одного, либо двух документов. В первом случае табличка составлялась либо в конце жизни самим собственником, либо после смерти последнего при помощи его свидетелей. Она закрепляла права усыновленного в рамках семейного права и предоставляла имущественные права на долю в наследстве (т.е. оформляла одновременно два правоотношения).

Однако наиболее безопасным для усыновителя было составление двух документов, т.к. формально незакрепленные права могли привести к потере приемным сыном своего правового статуса в случае смерти свидетелей. Клятва приемного сына имела юридическую силу, но, при наличии, к примеру, клятвы со стороны других наследников в том, что этот человек не был приемным сыном их отца, судьи назначали обычно ордалию, которая могла лишить истца жизни.

Первый из двух указанных документов составлялся сразу после перехода усыновленного в дом к приемному родителю. В рамках правоотношения, зафиксированного в этой табличке, для усыновителя наряду с усыновленным устанавливалась определенная субсидиарная ответственность, что также позволяло обезопасить последнего от произвола со стороны первого (особенно это было важно для детей обедневших общинников, которым грозило долговое рабство). Вероятно, к концу изучаемого периода, фиксация документов такого типа, становится обязательной. Таким образом, устная традиция обычного права меняется на письменную прецедентную юридическую традицию.

Второй документ составлялся также либо при жизни, либо после смерти приемных родителей и имел в большей степени имущественный характер.

В случае отсутствия наследников (или, если собственник желал предоставить долю в наследстве своему рабу или рабыне) также, обычно перед смертью собственника, мог быть составлен документ об усыновлении. Он был ещё более сложным с юридической точки зрения (чем, первый из указанных), поскольку включал в себя сакральную процедуру очищения раба, с последующим усыновлением и предоставлением доли (или всего) наследства (подробнее об этом см: 7, р. 88-96).

Такой документ отражал одновременно и изменение семейного, и имущественного статуса, а, кроме того, бывший раб по закону приобретал права свободного человека (т.е. формально менял свой социальный статус), что было особенно важно для правовых культур древних обществ.

Список литературы

1. Графский В.Г. 2004: Всеобщая история государства и права зарубежных стран. М.
2. История государства и права зарубежных стран. 2009:/ Под ред. О.А. Жидкова и Н.А. Крашенинниковой, в 2-х ч., ч.1. М.
3. Кофанов Л.Л. Виндикация в римском публичном праве. 2010:/ Древнее право *Jus Antiquum*, № 2 (22).
4. Омельченко О.А. 2005-2007: Всеобщая история государства и права, в 2-х т., т. 1. М.
5. Черниловский З.М. 2010: Всеобщая история государства и права. М.

6. Charpin D. 2008: Lire et écrire a Babylone. Paris. PUF.
7. Charpin D, Todd J.-M. 2010: Writing, Law and Kingship in Old Babylonian Mesopotamia. Chicago. UCP.
8. Law collections from Mesopotamia and Asia Minor.1997:/by M. Roth. Atlanta.
9. Ranke H. 1906: Babylonian Legal and Business Documents from Time of First Dynasty of Babylon. Philadelphia.
10. Rendre la justice en Mesopotamie. 2000: Archive judiciaries du Proche-Orient ancien (III-I millenaires avant J.-C.). Saint-Denis. PUV.
11. Schorr M. 1913: Urkunden des Altbabylonischen zivil-und Prozessrechts. Leipzig.
12. Westbrook R. 2003: A history of ancient Near Eastern law, in two volumes, v.1. Leiden, Boston. BRILL.

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК ВЫРАЖЕНИЕ ПРЯМОЙ И ОБРАТНОЙ СВЯЗИ ПРАВА И РЕЛИГИИ В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Скурко Е. В.

Институт государства и права РАН, г. Москва

Отношения права и религии, а также государства и церкви в современных обществах имеют многовековую и даже тысячелетнюю историю. Длительная история этих отношений свидетельствует, что в современных обществах накоплен обширный опыт в соответствующих вопросах. Вместе с тем, если до сравнительно недавнего времени эти отношения находились в относительно стабильном состоянии, реалии последних десятилетий демонстрируют, что практически повсеместно в мире сложившийся столетиями в современных обществах уклад в связи с отношением к праву и религии, государству и церкви испытывает трансформации — порой весьма существенные, а иногда крайне деструктивные, — что в целом отражается на самых разнообразных сферах общественной жизни, в том числе выходит за рамки прямых отношений государства и церкви или религиозной сферы, но связанные, при этом, с проблемами стабильности в обществе и благополучием граждан, государственно-правовой стабильностью, отношением к религии и церкви в обществе в целом.

Причина таких трансформаций сегодня вряд ли может быть с точностью установлена. Однако своего рода «религиозный ренессанс», происходящий повсеместно в мире и протекающий, вместе с тем, на фоне процессов глобализации, при господстве неолиберальной идеологии, придает актуальность проблематике развития государственно-конфессиональной политики, которая достаточно длительное время в принципе отсутствовала в первых строках повестки дня большинства современных государств., однако в свете вызовов современности, очевидно, нуждается в том, чтобы в ней получила отражение необходимая и конструктивная реакция государства на складывающуюся ситуацию в плане положения и роли религии в жизни общества, в том числе в сфере права непосредственно.

Необходимо отметить, что современные подходы в плане отношения государства к церкви и права к религии — со времен эпохи Просвещения в обществах «западного типа», к числу которых относится и современная Россия, — носят в основном однонаправленный характер: государство создает гарантии деятельности религиозных организаций — на основании закона, который, в частности, в числе прочего, определяет и устанавливает известные ограничения для прямого распространения религиозных воззрений как фактора общественной жизни — в особенности в публичной сфере.

Такое исторически сложившееся положение вещей было в свое время вполне обосновано, и подход, который был принят в этой связи, а именно — перенесение вопросов религии в частную сферу, вплоть до прямых запретов любых религиозных проявлений в публичной сфере — достаточно долго — по сути, на протяжении нескольких столетий — демонстрировал свою эффективность.

Однако, если еще совсем недавно в «западных обществах» уверенно делались прогнозы об отмирании религии как фактора общественной жизни, и «Религиозные люди сетовали, что либеральное государство приватизировало религию, исключило ее из публичной сферы» [2, р.1], к настоящему времени ситуация значительно и для многих неожиданно изменилась.

Принято считать, что поводом к этому стали события 11 сентября 2001 г. — террористические атаки на Всемирный торговый центр в США [2, р.1]. Однако причины, чтобы государство обратилось к анализу

фактора религии в общественном развитии на современном этапе, его переосмыслению, совершенно неправильно этим исчерпывать.

Действительно, западные исследователи отмечают, что целый ряд факторов, помимо терроризма, свидетельствовали, что назрела пора пересмотреть ряд базовых вопросов в части положения религии в сфере права, в особенности вопросах конституционализма, и во многом, по мнению специалистов, необходимость такого пересмотра для ряда западных стран оказалась обусловлена фактом разрушения общественного консенсуса в позиции о роли и положении «господствующей религии» в обществе и государстве [2, p.2]. Так, отмечается, что в США де-факто «национальная религия» протестантизм значительно утратила позиции как следствие изменений и динамики в демографической структуре общества, соответствующих культурных ее отражениях и аспектах; в странах Европы происходит значительный рост в доли населения, исповедующего Ислам, и т. п. [2, p.2] — и все это происходит на фоне продвижения идеологии неолиберальной глобализации с ее идеями толерантности и мультикультурализма.

Указанные процессы по-новому ставят вопрос о необходимости переосмысления роли религии в современном обществе и государстве, уточнения и переопределения сложившейся позиции государства в указанной сфере. Самобытным оказывается вопрос о роли религии в современном правовом развитии: следует ли, например, признавать возможность интеграции тех или иных религиозных воззрений и представлений в сферу права, — а в таком случае, каким образом такая интеграция может и должна осуществляться, как должна быть оформлена и т. п.

Россия, наряду с большинством западных стран, а также государств пост-советского пространства и пост-социалистических государств формально придерживается позиции отделения церкви от государства, секулярности правовой сферы. Это положение закреплено в Конституции РФ.

На государственно-правовое развитие России в плане определения отношений государства и церкви, отношения к религии в праве на практике на современном этапе оказывают определенное влияние ряд подходов. Наиболее значимым оказывается, тем не менее, современный западный подход, проистекающий, как уже было сказано, из идей и идеологии эпохи Просвещения. Однако именно этот подход в вопросах отношения к церкви и религии в государстве сегодня все более отчетливо демонстрируют свою несостоятельность, многочисленные свидетельства чему можно наблюдать в кризисных явлениях в указанной сфере, переходящих на общий социальный план и создающих социальную напряженность в современных западных странах, во многом провоцируемую, как представляется, недостатками урегулированности и собственно принятыми подходами к оценке роли церкви и религии в современных западных обществах.

В этой связи уместно, с нашей точки зрения, более обратиться к опыту и подходам, практиковавшимся в плане отношения к церкви и религии в период СССР, отчасти оставившими свои следы и в отдельных элементах сохраняющимися в современной России, — в целом же выразившихся в достаточно развитой и сбалансированной, а по многим аспектам практически эффективной государственно-конфессиональной политики, проводимой в стране, в особенности в последние десятилетия ее существования, когда такой институт как Совет по делам религий при Совете Министров СССР, учрежденный в 1965 г., пришел к оптимальному подходу и режиму своего функционирования во взаимодействии с религиозными объединениями. Опыт работы Совета, а также опыт правового регулирования в вопросах отношения к церкви и религии в соответствующий период истории может во многом быть применен и сегодня — в условиях современной России и тех вызовов, с которыми сталкивается страна на современном этапе своего развития.

Развитие государственно-конфессиональной политики сегодня, тем не менее, со всей очевидностью, не должно исчерпываться простым оформлением религиозных организаций, определением их правового статуса и иными формальными вопросами, — как это, необходимо подчеркнуть, уже во многом сделано, в том числе на законодательном уровне — в рамках Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ.

Задача развития государственно-конфессиональной политики сегодня состоит в том, чтобы голос религиозных организаций был услышан — причем не только и не столько обществом, из которого они, по сути, и происходят, — но мог быть донесен в публичную сферу — как в плане определения проблем в социальной жизни и социальных отношениях, взглядов и позиций религиозных организаций касательно подходов в их преодолении, так и в общем плане участия в жизни и деятельности российского государства и общества в целом.

Этот аспект взаимодействия государства и церкви, религии и права обусловлен тем, что как право, так и религия традиционно, в силу своей природы, во многом обращены к моральным, этическим принципам и представлениям, по которым живет человек, которым следует общество, а в современных условиях — должно служить государству. Реалии современного развития демонстрируют, что рассматривать сферу общественной морали как «зону конфликта» права и религии [1, р.1] — т. е. той сферы, где они неизбежно приходят в соприкосновение и взаимодействуют — было бы ошибкой: это взаимодействие, его конструктивное развитие, напротив, должно получать поддержку, в том числе через отражение в деятельности государства. В этом смысле современная государственно-конфессиональная политика не должна быть «однонаправленной» — распространяться от государства на религиозную жизнь. Должна проявляться и развиваться «обратная связь» — через должное отражение действительного влияния церкви, религиозных воззрений и представлений в части поддержания общественной морали во всяком случае — на деятельность государства и правовое развитие в том числе. Развитие такой «обратной связи» — есть насущная и востребованная современным обществом проблема, которая требует соответствующих государственно-правовых решений, действий в том числе в плане разработки и проведения государственно-конфессиональной политики.

Список литературы

1. Law and Religion in Public Life: The Contemporary Debate / Ed. N.Hosen, R.Mohr. — London and New York: Routledge, 2011. — 274 p.
2. Law and Religion in Theoretical and Historical Context / Ed. P.Cane, C.Evans, Z.Robinson. — Cambridge: Cambridge University Press, 2008 — 328 p.

О СОВРЕМЕННОЙ ПЕРЕОЦЕНКЕ СТОЛЫПИНСКОЙ ВОЕННОЙ И ВОЕННО-ПОЛЕВОЙ ЮСТИЦИИ

Соломко З. В.

Российский государственный университет правосудия, г. Москва

В постсоветский период, наряду со многими другими идейными ревизиями, произошел существенный пересмотр устоявшихся ранее оценок столыпинской политики в целом и дореволюционной военной и военно-полевой юстиции начала XX века в частности — вплоть до того, что ряд правоведов и историков стали, по сути, прямо или косвенно оправдывать «скорострельную» юстицию. Аргументы в большинстве своем сводятся к следующему:

– любое государство борется с терроризмом и другой преступностью, используя в этих целях и судебную систему (подразумевается, что «терроризм» и «преступность» — это без всяких оговорок зло, а борьба с ними — благо) [7, С. 158, 96-172, 208-210];

– Российская империя объективно в силу разных причин, в том числе разнузданного левого террора и разгула преступности, была на краю гибели — нужно было спасти страну;

– Россия стояла на пороге больших реформ, которые должны были вывести страну из кризиса и направить ее по пути нормального эволюционного развития, но для их реализации Столыпину необходимо было остановить волну революционного насилия и укрепить правопорядок [8, С. 108-111]; в конечном итоге благодаря деятельности Столыпина удалось отсрочить революцию — значит, по гамбургскому счету эта политика была правильной;

– военно-полевые суды не только губили человеческие жизни, но кого-то и оправдывали [2, с. 515], а если сравнить результаты деятельности военной и военно-полевой юстиции эпохи первой русской революции с результатами деятельности советских судов и советской карательной машины в целом, то выясняется, что дела обстояли не так уж и плохо: на этом фоне столыпинская военно-судебная система, уничтожившая на порядок меньше людей, чем советские репрессивные органы, оказывается чуть ли не образцом гуманности и правопорядка [4];

– военно-полевая юстиция была предопределена сложной исторической судьбой страны [4].

Некоторые правоведы доходят до того, что, в сущности говоря, объявляют столыпинскую военную и военно-полевую юстицию в определенном смысле прогрессивным явлением на том основании, что, в

отличие от своих предшественников, Столыпин таким образом «процесс наведения порядка постарался ввести хоть в какие-то правовые рамки». Поясняя свою мысль, автор приведенной цитаты противопоставляет военно-полевые и военно-окружные суды карательным экспедициям, которые до появления этих судов расстреливали и вешали и виновных, и невиновных «без проведения следствия и судебного разбирательства» [3, с. 42]. Здесь приходится предположить одно из двух: пишущий либо не очень хорошо знаком с историей государства и права дореволюционной России, либо лукавит, отдавая дань новым идеологическим ориентирам. Любому исследователю, добросовестно занимающемуся этим периодом, известно, что до появления военно-полевых судов «правовые рамки», которые давали весьма широкий простор для действий по «наведению порядка», существовали, в том числе в пределах военной юстиции. Эти рамки были очерчены Военно-судебным уставом, Положением от 14 августа 1881 г. и другими нормативно-правовыми актами – другое дело, что глава государства и многие высшие должностные лица, гражданские и военные начальники не желали себя ими стеснять. Еще возглавляя Саратовскую губернию, Столыпин продемонстрировал решимость «наводить порядок» не с помощью правовых процедур и поиска социального компромисса, а с помощью все тех же карательных экспедиций и именно в этом качестве обратил на себя внимание Николая II. И в период своего премьерства Столыпин этой тактики принципиально не изменил: не стесняясь прибегал к грубой силе, бесцеремонно вмешивался в деятельность судов. Что касается военно-полевых судов, то Положение о них 1906 г. и было не чем иным, как завершающей стадией в *легализации* максимально свободного от пут юридических формальностей судебного правоприменения, *дополнявшего* прямое насилие, но никоим образом ему не *противостоявшего*.

Безоснователен и тезис о том, что в данном случае налицо противоречие между не оправдавшими себя средствами и благой целью [3, с. 43, 49]. Если судить по результатам, а не по декларациям, то реальной целью столыпинских реформ было сохранение зависимого периферийного капитализма с присущей ему сверхэксплуатацией крестьянства и пролетариата и опосредствующего эти отношения жесткого авторитарного режима с крайне урезанным набором гражданских свобод. Поскольку эту цель можно было признать благой только с точки зрения узкой социальной группы, то средства ее достижения другими объективно быть не могли – ничего более эффективного, чем палка, угроза тюрьмы и виселицы, здесь нельзя было придумать. Один из самых авторитетных исследователей этой темы, А. Аврех, так описывает проблему столыпинских реформ: «Допустим, весь приведенный Изгоевым перечень был бы целиком осуществлен. Уменьшилась бы от этого политическая власть царизма? Ответ очевиден. И в самом деле, с какой стороны мог ущемить права и власть короны новый полицейский устав или отмена волостных судов и даже упразднение земских начальников? Наоборот, в обычных условиях они бы только укрепили режим и на это укрепление и были рассчитаны. (...) ... дело было не в самих этих куцых реформах, а в том, что они даже в отдаленной степени не соответствовали потребностям и задачам страны... требовались не “реформы”, а “Реформа” – радикальное обновление всех политических и других институтов страны (...). В такой ситуации столыпинские “реформы” становились невозможными потому, что расширяли плацдарм для борьбы за подлинные кардинальные преобразования» [1, с. 262-263].

В начале XXI века уже неловко объяснять, почему вкратце обрисованные выше новомодные объяснительные схемы, к которым прибегают некоторые исследователи военной юстиции, не выдерживают никакой критики и грешат очевидной идеологической ангажированностью, – такая работа давно и качественно проделана многочисленными добросовестными историками, которые вскрыли объективную социальную подоплеку и так называемого «антигосударственного террора» начала XX в., и борьбы с ним мерами «скорострельного» правосудия.

Неловко напоминать о том, что, помимо прочего, на совести той системы, оплотом которой была военная юстиция, – не только тысячи казненных по приговорам военных и военно-полевых судов, но и десятки тысяч убитых при подавлении восстаний, крестьянских волнений и разгонов демонстраций, десятки тысяч умерших в тюремном заключении, показатели смертности, по которым Россия далеко опережала не только самые развитые, но и самые отсталые европейские страны, 25-процентная детская смертность, средний возраст жизни около 30 лет или даже менее того и сопоставимый с арестантским уровнем жизни 90 % населения [6]. Это была система, при которой государство тратило на организацию тюремного дела намного больше средств, чем на начальное школьное обучение (в 1905-1907 гг. – вдвое больше, только в 1912 г. эти расходы сравнялись) [5, с. 27]. Закрывать на это глаза и рассуждать об абстрактной борьбе за «правопорядок» и «законность» – значит не прояснять истину, а впадать в то, что одним радикальным мыслителем было точно названо юридическим кретинизмом.

Современный якобы деидеологизированный дискурс, уклончиво трактующий и даже

оправдывающий военно-судебные репрессии начала XX века или просто описывающий с формально-догматических позиций организацию военной юстиции, производит ряд ложных отождествлений и подмен: революционная и вообще любая борьба угнетенных отождествляется с терроризмом, революция – с бунтом и насилием, интересы власти – с интересами отечества, а человеческое достоинство – со своекорыстной моралью частного собственника. Таким образом, ряд современных историков и юристов объективно отстаивают позицию, тождественную той, которую в годы первой русской революции занимали консервативно настроенные сановные бюрократы, монархическая буржуазия, черносотенцы.

Если военно-судебные репрессии начала XX века были идейно подготовлены трудами К. Леонтьева, М. Каткова и К. Победоносцева, то современные адвокаты этих институтов и практик, в том числе те, кто пытается усидеть на двух стульях, перекаладывая часть ответственности на «беспринципных» революционеров, «поднявших волну террора» и «взбаламутивших народ», должны отдавать себе отчет в том, чем за такие ревизии в истории всегда приходится расплачиваться.

Список литературы

1. Аврех А. Я. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991.
2. Власов В. И. История судебной власти в России: Книга первая (1019—1917). М., 2003.
3. Малыгин А. Я. Внутриполитический курс П. А. Столыпина на стабилизацию в обществе // Проблемы государственного управления и реформа полиции в свете идейного наследия и практической деятельности П. А. Столыпина. М., 2013.
4. Наконечный М. Ю. Военно-полевая юстиция при Столыпине и репрессии в СССР 1960-х годов: сравнительный аспект // URL: <http://maxpark.com/community/5228/content/2884039>.
5. Никитина Е. Торная дорога // Девятый вал. К десятилетию освобождения из царской каторги и ссылки. М., 1927.
6. Островский А. О степени социального расслоения в дореволюционной России // URL: http://scepis.net/library/id_3459.html.
7. Суворов А. И. В противоборстве с террористами (Из истории борьбы правоохранительных органов дореволюционной России с политическим терроризмом): Монография. М., 1999.
8. Щелкунова М. В. П. А. Столыпин – патриот и реформатор // Проблемы государственного управления и реформа полиции в свете идейного наследия и практической деятельности П. А. Столыпина. М., 2013.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ЗАКОН И ЗАКОН ПРИРОДЫ В ТЕОРИИ Г. КЕЛЬЗЕНА

Фролова Е.А.

Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Исследуя соотношение естественных и социальных наук, австрийский юрист, философ и теоретик права Ганс Кельзен уделял первостепенное внимание методологическим вопросам юриспруденции.

Следуя неокантианской методологии, он рассматривал человека как биологическое и социальное существо. Человеческое поведение составляет предмет психологии, социологии, истории и др. наук в той мере, в какой оно определяется законами каузальности, т.е. протекает в области природы. В этом аспекте к поведению человека применим принцип причинности, и исследования поведения не отличаются качественным образом от естественных наук, например, от физики, химии, биологии. С этих позиций разница между социальными и естественными науками заключается только в степени, но не в принципе.

Существенное отличие между социальными и естественными науками, по мнению Кельзена, проявляется тогда, когда поведение человека исследуется с точки зрения *принципа вменения*, т.е. с позиции должностования и ценностей. К таким наукам относятся этика и юриспруденция. Эти науки называются нормативными, поскольку они описывают отдельные нормы и созданные ими отношения между людьми, иными словами, эти науки регулируют поведение людей. Общество как предмет нормативной социальной науки представляет собой нормативный порядок поведения людей по отношению друг к другу. Люди «принадлежат обществу в той мере, в какой их поведение урегулировано таким нормативным порядком – предписано, уполномочено или положительно позволено» [3,с.118]. При этом правовое сообщество

объединяет людей разных рас, языков, религий, мирозозерцаний, людей с разными и даже противоположными интересами. Все они подчинены одному правовому порядку, который консолидирует людей, создает некую устойчивую, «замиренную» (термин М.М. Ковалевского) среду.

При формулировании законов природы естествознание ориентируется на факты. Что касается поведения людей, т.е. фактов действия и бездействия, они должны ориентироваться на правовые нормы.

Кельзен определяет правовые нормы как предписания. Правовые нормы – это не высказывания о каких-либо будущих или прошедших событиях, они ничего не «высказывают». Нормы права предписывают, уполномочивают или позволяют поведение человека. Правовые высказывания, описывающие право, следует считать суждениями о должностовании. Они, в отличие от законов природы – есть высказывания не о том, что нечто произойдет, а том, что нечто должно произойти.

Правовая норма, по Кельзену, действительна, если она хотя бы в некоторой степени действительна, т.е. соблюдалась и применялась. Необходимо допускать возможность ее недейственности, т.е. возможности того, что в некоторых случаях она не применяется и не соблюдается. В этом положении обнаруживается коренное отличие юридического закона и закона природы: «Если обнаруживается факт, противоречащий некоторому закону природы, от этого закона следует отказаться как от неверного и заменить его другим, согласующимся с этим фактом. А противоправное поведение, если оно не слишком часто встречается, еще не основание для того, чтобы правоведение сочло недействительной нарушаемую при этом норму и заменило описывающее право правовое высказывание другим» [3, 120-121]. Таким образом, при формулировании законов природы естествознанию *следует* ориентироваться на факты. Факты человеческого поведения *должны* опираться на правовые нормы.

Правовые законы – это предсказания, т.е. высказывания о будущих событиях. Основная функция законов природы заключается в объяснении уже происшедшего события, понимаемого как следствие указываемой законом причины. Именно в этом смысле естественнонаучный закон относится к прошлому. Законы природы находятся в нашем опыте, который относится к прошлому, а не будущему. В качестве предсказаний законы природы могут работать при допущении, что прошлое повторится вновь. Что касается правовой области, то предсказание судебных решений не входит в задачу правоведения, которое изучает не только судебные решения, но и созданные законодательным органом правовые нормы, предсказать которые вряд ли возможно, так как конституция обычно предопределяет только процедуру принятия законов, но не их содержание.

Эти рассуждения Кельзена весьма спорны. Дело в том, что назначение права в том и состоит, чтобы создать гарантированный порядок отношений на будущее время. Неурегулированные или недостаточно урегулированные отношения, имеющие принципиальное значение для человека, должны быть закреплены на правовом уровне с целью стабильности общества и предсказуемости правовых решений. Вероятно, эти аспекты нормативистской доктрины Кельзена были в первую очередь направлены на критику социологов права, отстаивавших бытие права в ущерб области должностования (если суды своими решениями могут создавать новое право, то предсказать решение судьи сложно). Это дело юриста-практика, убеждал немецкий теоретик, а не задача науки о праве. Правовое познание «нельзя путать с юридическими советами. Даже если в общем и целом действенный порядок можно описать посредством суждений, которые, как и законы природы, утверждают, что при определенных условиях и в самом деле наступают определенные следствия (т.е. что если происходит нечто, что в соответствии с этим правопорядком квалифицируется правоприменительными органами как правонарушение, то наступает предусмотренное правопорядком правовое последствие), то и тогда подобное описание – не дело правоведения. Правоведение, формулируя правовые высказывания, выявляет не причинную, а нормативную, основанную на вменении связь между элементами своего предмета» [3, 122]. По Кельзену, именно сфера права как должного определяет специфический смысл права.

С этих позиций задачей правоведения является познание и описание правовых норм и установленных ими отношений между определенными фактами. Право противостоит природе, а правоведение, как нормативная наука, всем тем наукам, цель которых состоит в поиске причинно-следственных отношений в реально протекающих процессах [3, с.105].

Природа – это система элементов, связанная между собой принципом причинности. Законы природы, с помощью которых естественные науки описывают свои предметы, формулируются в соответствии с принципом причинно-следственных связей.

Человеческое поведение можно рассматривать как элемент природы, определяемый принципом причинности. Поэтому в некоторой степени общественные науки, объект которых есть поведение человека,

приближаются к естественным. Однако помимо принципа причинности общественные науки основываются на методе вменения. Поведение человека определяется нормами, общество рассматривается как порядок, отличный от природы, а общественные науки имеют существенное отличие от естествознания. Право – это нормативный порядок поведения людей по отношению друг к другу, оно противостоит природе как социальное явление, а правоведение – обществознанию – как общественная наука. При описании нормативного порядка поведения человека используется принцип вменения, отличный от метода причинности.

Однако заметим, что, согласно методологии Кельзена, противоречия между каузальностью естественного закона и свободой морального или правового закона нет. В связи с этим нет и логического противоречия между естественным порядком, с одной стороны, и моральным и правовым порядком, с другой, поскольку первый есть порядок бытия, а два других – порядки долженствования – они не соподчиняются друг с другом.

Список литературы

1. Кельзен Г. Чистое учение о праве, справедливость и естественное право / Пер.с нем., англ., фр.; Сост. и вступ. ст. М.В. Антонова. СПб., 2015.
2. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право // Он же. Философия и социология права. СПб., 1998.
3. Чистое учение о праве Ганса Кельзена / К XIII Конгрессу международной ассоциации правовой и социальной философии (Токио, 1987). Сборник переводов. Вып. I. М., 1987.

СЕКЦИЯ №2.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

ЗНАЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Быченков Г.В.

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, г. Орел

В современных условиях, когда приоритетным является формирование информационного общества нельзя недооценивать роль информации. Роль информации неизмеримо возрастает, следовательно, знание и информация становятся одним из стратегических ресурсов политического и социально-экономического развития государства. Информация является не только обязательным условием успешного ведения бизнеса, но и необходимым условием для развития государства и личности. В современно мире информация превратилась в фактор, существенным образом влияющий практически на все сферы общественной жизни.

Для реализации основной задачи, стоящей перед органами законодательной власти, первостепенное значение имеет информационно-правовое обеспечение законодательной деятельности, так как для проработки законопроектов, тщательной и всесторонней их экспертизы, оценки социально-экономических последствий принятия законов органы законодательной власти должны обладать необходимой информацией. Обеспечение органов, осуществляющих законодательную деятельность, необходимой информацией связано с осуществлением таких мероприятий как, сбор, обработка, накопление, поиск информации, предназначенной для удовлетворения информационных потребностей субъектов законодательной деятельности. Таким образом, «законодательная деятельность является организационно-функциональной системой и характеризуется тем, что каждый субъект самостоятельно организует все операции по сбору и обработке информации, формированию информационных ресурсов, каналов связи, баз и банков информации» [5, с. 22]. Потребность органов законодательной власти в эффективном информационном, программно-техническом, коммуникационном, технологическом обеспечении свидетельствует о наличии прямой связи между эффективностью работы органов законодательной власти и организацией информационного обеспечения их работы. Например, в целях обеспечения доступа к необходимой информации по инициативе Совета Федерации была в сети Интернет создана специализированная информационная система «Парламентский портал». Указанная система «является

интегрирующей и аккумулирующей средой для поиска, сбора, хранения, обработки, анализа, распространения и предоставления в необходимом формате информации, поступающей по сети Интернет из законодательных органов государственной власти» [3, с. 19].

Органы законодательной власти Российской Федерации уделяют большое внимание развитию систем, предназначенных для получения и передачи информации. Информационные технологии, используемые законодательными органами государственной власти, не только направлены на поиск, сбор, хранение, обработку, предоставление, распространение информации, но и способствуют формированию диалога между властью, средствами массовой информации и обществом, делают его более конструктивным и открытым. Кроме того, информационные технологии способствуют оперативному обмену информацией между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Указанные процессы свидетельствуют об информатизации правотворчества. В более широком смысле «под информатизацией правотворчества понимается внедрение в эту сферу государственной деятельности новейших информационных технологий, создание крупных информационных центров, экспертных и консультационных систем. Прежде всего это касается автоматизации правотворческой деятельности Государственной Думы и Совета Федерации как основных генераторов правотворческой политики» [4, с. 16].

Одним из направлений информационного обеспечения органов государственной власти является создание системы получения информации от граждан. Например, для работы с обращениями граждан, а так же в целях реализации права граждан на обращение в Совет Федерации была разработана Инструкция по работе с обращениями граждан в Совете Федерации, утвержденная распоряжением Председателя Совета Федерации от 23 июня 2011 г. N 189рп-СФ [2]. Необходимо отметить, что огромное значение для развития взаимодействия Совета Федерации с населением имеет возможность интерактивного обращения посетителей сайта к парламентариям. Внедрение в 2005 г. в составе официального интернет-сайта Совета Федерации этой функции позволило в значительной степени автоматизировать работу приемной Совета Федерации при ее взаимодействии с пользователями сети Интернет, сделало возможным интерактивное общение граждан, общественных организаций и представителей бизнеса с членами Совета Федерации через официальный интернет-сайт Совета Федерации. Это позволило гражданам знакомиться с основами работы с обращениями граждан в Совете Федерации, характером обращений, поступающих в Совет Федерации, а также графиком приема граждан членами комитетов и комиссий Совета Федерации.

В 2006 г. Приказом Руководителя Аппарата Совета Федерации от 19 июня 2006 г. N 76-од «Об официальном интернет-сайте Совета Федерации» был определен: состав публикуемой на сайте информации на русском и английском языках; порядок опубликования информации на сайте; порядок поддержки функционирования программно-технического комплекса сайта; состав работников Аппарата Совета Федерации, ответственных за достоверность информации, предоставляемой для опубликования на сайте [6, с. 15]. Урегулирование отношений, связанных с официальным интернет-сайтом Совета Федерации, позволило значительно расширить его наполнение информацией, необходимой для законодательной деятельности.

Использование информационно-коммуникационных технологий в органах государственной и муниципальной власти не ограничивается созданием и ведением сайтов. С помощью информационно-коммуникационных технологий проводятся прямые трансляции заседаний, интернет-конференции, создаются интернет-приемные депутатов. Информационные технологии обеспечивают работу депутатов и структурных подразделений законодательных органов, автоматизированная система документооборота Государственной Думы обеспечивает единую автоматизированную технологию работы с документами, предполагается создать национальный электронный архив законодательства России [1, с. 73].

В юридической литературе достаточно распространено мнение, что нормативное регулирование информационного обеспечения должно осуществляться на уровне федерального закона, так как инструкции и другие служебные документы не могут на необходимом правовом уровне регулировать такие существенные вопросы, как сроки предоставления информации, ответственность за неправильное использование и передачу недостоверной информации. Только законодательное регулирование вопросов обеспечения информацией может повлиять на качество законодательных актов, избежать неоправданного затягивания их принятия, так как успешная работа законодательного органа власти определяется полнотой и качеством информационного обеспечения его комитетов, комиссий и депутатского корпуса в целом. В тоже время необходимо отметить, что требования к информационному обеспечению вытекают из характера законодательного процесса.

Таким образом, от совершенствования информационного обеспечения правотворческих решений напрямую зависит повышение эффективности законодательной деятельности. Что связано, прежде всего, с представлением законодателю достоверной, полной и своевременной информации, собранной и обработанной на основе современных компьютерных и иных информационных технологий. Эффективность информационного обеспечения законодательной деятельности должна комплексно определяться следующими факторами: возможностью обработки любых информационных запросов субъектов законодательной деятельности; возможностями специальных средств информационно-аналитического обеспечения законодательной деятельности.

Список литературы

1. Гаврилов О.А. Компьютерные технологии в правотворческой деятельности. М., 1999. 180 с.
2. Инструкция по работе с обращениями и запросами граждан в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: утв. распоряжением Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 23 июня 2011 г. N 189рп-СФ// Парламентская газета. N 34. 2011. 15 - 21 июля.
3. Каткова Л.В. Информационные технологии в деятельности парламента// Государственная власть и местное самоуправление. 2014. N 1. С. 18 - 22.
4. Кирилловых А.А. Нормативное правовое обеспечение в сфере архивного дела: современное состояние и перспективы развития// Право и экономика. 2016. N 3. С. 10 - 17.
5. Ковалева Н.Н. Правовое регулирование информационного обеспечения законодательных органов власти// Государственная власть и местное самоуправление. 2013. N 1. С. 20 - 23.
6. Михайловский М.Г. Информационное обеспечение законодательной деятельности с использованием информационных систем общего пользования// Аналитический вестник. 2007. N 24(341). С. 6 - 21.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ГОСУДАРСТВАХ, ВХОДЯЩИХ В ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ И СОДРУЖЕСТВО НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЕ

Кудинов В.В., Минаев А.В.

(Кудинов В.В. - Курганский государственный университет, г. Курган,
Минаев А.В. - Тувинский государственный университет, г. Кызыл)

В Концепции формирования системы обеспечения интересов Российской Федерации в пограничной сфере, отмечено, что целью формирования системы обеспечения интересов России в пограничной сфере является максимальное повышение возможностей государства по противодействию внешним и внутренним угрозам интересам и безопасности Российской Федерации, создание благоприятных условий для эффективной деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, осуществляющих полномочия в сфере защиты и охраны государственной границы.

Эффективность власти в государстве во многом зависит от того, насколько обоснованно разграничены функции, предметы ведения, полномочия и одновременно насколько конструктивно организованы согласование интересов и взаимодействие между ветвями и уровнями власти. Решение проблем обеспечения согласованных действий органов публичной власти является актуальным практически для всех государств мира. Особенно это важно при многоуровневой системе организации государственного устройства, которое существует в нашем государстве, являющемся демократическим федеративным правовым государством.

В условиях глобализации, взаимопроникновения различных правовых систем, наличия общих угроз на государственной границе и совместных действий государств СНГ, направленных на их защиту, нормативное правовое регулирование деятельности и взаимодействия органов государственной власти и органов местного

самоуправления в рассматриваемой сфере становится все более актуальным как на внешних участках государственной границы и особенно на внутренних участках государственной границы ЕАЭС.

Поэтому совершенствование нормативного правового регулирования взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления в указанной сфере в системе обеспечения безопасности государства, приобретает особое значение.

В 2014 году образован Евразийский экономический союз. В состав ЕАЭС вошли Республика Беларусь, Республика Казахстан, Российская Федерация, Республика Армения (с 02.01.2015г.) и Кыргызская Республика (с 12.08.2015 г.). Указанные государства также являются участниками СНГ.

Конституционно-правовое регулирование взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления в сфере защиты и охраны государственной границы имеет свои особенности и закреплено в конституциях и законах в *государствах входящих в СНГ и ЕАЭС* по-разному.

Так, например, в соответствии с Конституцией Азербайджана, местное самоуправление осуществляется муниципалитетами. Муниципалитеты формируются на основе выборов. Основы статуса муниципалитетов устанавливаются Конституцией Азербайджана, а правила выборов в муниципалитеты – законами Азербайджана. Муниципалитеты осуществляют свою деятельность посредством заседаний, постоянных и иных комиссий, которые созываются председателем муниципалитета. Случаи и порядок избрания членов муниципалитета, приостановления или прекращения их полномочий, досрочного роспуска муниципалитетов устанавливаются законом. При этом муниципалитеты независимы при осуществлении своих полномочий, что не исключает их ответственности перед гражданами, проживающими на муниципальной территории. Государство осуществляет контроль за деятельностью муниципалитетов, а независимое осуществление муниципалитетами своих полномочий не может наносить ущерб суверенитету Азербайджанского государства[1].

Особенностью конституционно-правового регулирования деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления является то, что Конституция Азербайджана обладает высшей юридической силой, является основой системы законодательства Азербайджана, а система законодательства состоит из следующих нормативно-правовых актов: Конституция; акты, принятые референдумом; законы; указы; постановления Кабинета Министров Азербайджана (далее Правительство); нормативные акты центральных органов исполнительной власти; международные договоры, стороной которых является Азербайджан – неотъемлемая составная часть системы законодательства.

Нормативно-правовые акты должны основываться на праве и справедливости (равные отношения к равным интересам). Применения и исполнение принятых референдумом актов обязательно для граждан, законодательной исполнительной и судебной властей, юридических лиц и муниципалитетов только при их опубликовании. Применение и исполнение только опубликованных законов обязательно для всех граждан, законодательной, исполнительной и судебной властей, юридических лиц и муниципалитетов.

В Нахичеванской Автономной Республике (далее НАР) юридической силой обладают также конституция и законы НАР, постановления Кабинета Министров НАР, однако система законодательства НАР должна соответствовать системе законодательства Азербайджана. В пределах своих полномочий местные органы исполнительной власти могут принимать акты нормативного характера, не противоречащие актам, входящим в систему законодательства[1].

Акты, принятые муниципалитетами, должны основываться на праве и справедливости (равное отношение к равным интересам), не должны противоречить конституции и законам, указам Президента Азербайджана и постановлениям Правительства Азербайджана (а в НАР – также конституции и законам НАР, постановлениям Кабинета Министров НАР). Исполнение акта, принятого муниципалитетом, обязательно для граждан, живущих на этой территории и юридических лиц, расположенных на этой территории. В случае возникновения противоречия между нормативно-правовыми актами, входящими в систему законодательства Азербайджана (исключая Конституцию Азербайджана и акты, принятые путем референдума), и межгосударственными договорами, стороной которых является Азербайджан, применяются международные договоры.

Президент Республики является главой государства, обеспечивает соблюдение Конституции, нормальное функционирование законодательной, исполнительной и судебной властей, выступает гарантом независимости, территориальной целостности и безопасности республики, координирует деятельность государственных органов в области обороны.

Местное самоуправление Республики Армения – это право и способность муниципалитета решать под собственную ответственность вопросы местного значения в соответствии с Конституцией и законами Армении в целях благополучия жителей. Свое право на самоуправление муниципалитет осуществляет посредством органов местного самоуправления - муниципального совета и руководителя муниципалитета, которые в установленном

законом порядке избираются сроком на четыре года. Муниципальный совет в установленном законом порядке распоряжается муниципальной собственностью, утверждает по представлению руководителя муниципалитета муниципальный бюджет, контролирует исполнение бюджета, в установленном законом порядке устанавливает местные налоги, пошлины и платежи, принимает правовые акты, подлежащие обязательному исполнению на муниципальной территории, при этом принимаемые муниципальным советом акты не могут противоречить законодательству, порядок их опубликования и вступления в силу устанавливается законом[2].

В соответствии с Законом Республики Армения от 17 декабря 2001 года № ЗР-265 «О государственной границе» охрана государственной границы является неотъемлемой частью системы обеспечения национальной безопасности Республики Армения и включает в себя политические, правовые, экономические, военные, оперативные, организационные, технические, режимные, природоохранные, культурные и иные меры, которые гарантируют: неприкосновенность государственной границы; обеспечение соблюдения юридическими и физическими лицами режима государственной границы, пограничного режима и режима пунктов пропуска через государственную границу; защиту жизненных интересов личности, общества и государства от внешней и внутренней угрозы на государственной границе.

Полномочия органов государственного управления в сфере охраны государственной границы устанавливаются законами и иными правовыми актами Республики Армения. В сфере защиты и охраны государственной границы пограничные войска и войска противовоздушной обороны республики Армения оказывают содействие друг другу при осуществлении охраны государственной границы, согласуют в пределах их компетенции действия других государственных органов, осуществляющих различные виды контроля за соблюдением режима государственной границы, не вмешиваясь в эти действия[3].

Особенностью нормативного правового регулирования взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления в сфере защиты и охраны государственной границы в Республике Армения является определение участия государственных органов, должностных лиц, граждан и организаций в охране государственной границы, при этом органы местного самоуправления не включены как субъекты взаимодействия в данной сфере и не регламентировано их взаимоотношения с пограничными войсками, что снижает эффективность их взаимодействия.

В соответствии с Конституцией республики Беларусь, Президент Республики Беларусь является главой государства, принимает меры по охране суверенитета республики, ее национальной безопасности и территориальной целостности, обеспечивает преемственность и взаимодействие органов государственной власти, осуществляет посредничество между органами государственной власти. Местное управление и самоуправление осуществляется гражданами через местные Советы депутатов, исполнительные и распорядительные органы, органы территориального общественного самоуправления, местные референдумы, собрания и другие формы прямого участия в государственных и общественных делах.

Нормативное правовое регулирование взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления в сфере защиты и охраны государственной границы осуществляется в соответствии с Законом Республики Беларусь от 21 июля 2008 года № 419-З «О Государственной границе Республики Беларусь», который определяет организационные и правовые основы государственной пограничной политики, полномочия Президента Республики Беларусь, государственных органов в области государственной пограничной политики и регулирует отношения, связанные с обеспечением пограничной безопасности Республики Беларусь[7].

Президент Республики Беларусь в области государственной пограничной политики осуществляет общее руководство государственными органами по вопросам реализации государственной пограничной политики и обеспечивает взаимодействие между ними.

Совет Министров Республики Беларусь в области государственной пограничной политики организует работу подчиненных ему республиканских органов государственного управления по реализации государственной пограничной политики, осуществлению международного сотрудничества по пограничным вопросам.

Государственный пограничный комитет Республики Беларусь (далее ГПК РБ) организует взаимодействие и осуществляет координацию деятельности государственных органов и иных организаций в области проведения государственной пограничной политики и обеспечения пограничной безопасности. Органы пограничной службы осуществляя свою деятельность во взаимодействии с другими государственными органами, иными организациями и гражданами, обязаны: координировать в пределах своих полномочий деятельность государственных органов и иных организаций в области проведения государственной пограничной политики и обеспечения пограничной безопасности; разрабатывать и осуществлять во взаимодействии с другими уполномоченными государственными органами мероприятия по совершенствованию пропуска через государственную границу граждан, проводят совещания с участием государственных органов и иных организаций по вопросам государственной пограничной

политики и обеспечения пограничной безопасности, а также принимать участие в заседаниях государственных органов и иных организаций, в том числе органов местного управления и самоуправления, и в подготовке проектов решений по указанным вопросам; участвуют в контроле за выполнением в установленном порядке другими государственными органами и иными организациями мероприятий государственной пограничной политики. Государственные органы и иные организации в пределах своей компетенции обязаны оказывать содействие органам пограничной службы в исполнении возложенных на них обязанностей[8].

Местные исполнительные и распорядительные органы в области государственной пограничной политики на подведомственной территории организуют разъяснение законодательства Республики Беларусь о государственной границе физическим и юридическим лицам; создают необходимые условия для обеспечения пограничной безопасности и принимают в этих целях правовые акты в соответствии с законодательством Республики Беларусь; принимают участие в проведении мероприятий, направленных на поддержание и дальнейшее развитие инфраструктуры государственной границы и приграничной территории; предоставляют в установленном порядке органам пограничной службы в постоянное безвозмездное пользование земельные участки, необходимые для охраны государственной границы, осуществляют контроль за их использованием; информируют органы пограничной службы об обстановке на приграничной территории, создают условия для участия на добровольной основе граждан в охране государственной границы.

Областные исполнительные комитеты принимают решения об установлении пределов пограничной полосы по предложениям уполномоченных должностных лиц органов пограничной службы и об установлении пределов пограничной зоны по предложению ГПК РБ, образуют комиссии по вопросам проведения государственной пограничной политики, в компетенцию которых входят обеспечение на подведомственной территории согласованности действий государственных органов и иных организаций в данной сфере, разработка предложений по совершенствованию актов законодательства государственной границе, финансированию мероприятий по проведению государственной пограничной политики и обеспечению пограничной безопасности.

Районные (городские) исполнительные и распорядительные органы по предложениям уполномоченных должностных лиц органов пограничной службы принимают решения о местах установки предупреждающих знаков, обозначающих пределы пограничной зоны, устанавливают предупреждающие знаки и обеспечивают их содержание.

Местные исполнительные и распорядительные органы в сфере деятельности органов пограничной службы: предоставляют органам пограничной службы административные и иные помещения, коммунальные, бытовые и иные услуги в соответствии с законодательством; оказывают содействие в решении вопросов, связанных с оборудованием государственной границы и объектов инфраструктуры органов пограничной службы; оказывают содействие в обеспечении военнослужащих и гражданского персонала органов пограничной службы и членов их семей жилыми помещениями; обеспечивают в пределах своей компетенции реализацию гарантий правовой и социальной защиты военнослужащих и гражданского персонала органов пограничной службы и членов их семей; осуществляют иные полномочия, предусмотренные законодательством. Органы местного самоуправления в пределах своих полномочий принимают участие в обеспечении деятельности органов пограничной службы[7].

С учетом изложенного особенностью нормативного правового регулирования взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления в сфере защиты и охраны государственной границы в Республике Беларусь является определение полномочий государственных органов и органов местного самоуправления в государственной пограничной политике, при этом государственные органы и иные государственные организации взаимодействуют между собой в области охраны государственной границы и в пределах своей компетенции осуществляют взаимное информирование в этой области, а общественные объединения и иные организации оказывают содействие органам пограничной службы в охране государственной границы, информируют органы пограничной службы об обстановке на приграничной территории, способствуют привлечению на добровольной основе физических лиц к охране государственной границы.

В соответствии с Конституцией Республики Казахстан, Президент Республики Казахстан обеспечивает согласованное функционирование всех ветвей государственной власти и ответственность органов власти перед народом.

В 1999 году Указом Президента Республики Казахстан от 20 марта 1999 года № 88 «О Совете Безопасности Республики Казахстан» образован Совет Безопасности Республики Казахстан (далее Совет Безопасности), который в соответствии с [подпунктом 20\) статьи 44](#) Конституции Республики Казахстан является консультативно-совещательным органом для выработки решений и содействия реализации главой государства полномочий по обеспечению национальной безопасности, сохранению государственного суверенитета, независимости и территориальной целостности Республики Казахстан [9].

Парламент Республики Казахстан является высшим представительным органом Республики, осуществляя законодательные функции, издает законы, которые регулируют важнейшие общественные отношения, устанавливают основополагающие принципы и нормы, касающиеся основ организации и деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, государственной и воинской службы; обеспечения обороны и безопасности государства.

Нормативное правовое регулирование взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления в сфере защиты и охраны государственной границы осуществляется в соответствии с Законами Республики Казахстан от 6 января 2012 года № 527-IV ЗРК «О национальной безопасности Республики Казахстан» и от 16 января 2013 года №70-V ЗРК «О Государственной границе Республики Казахстан». В соответствии с которыми обеспечение национальной безопасности – это деятельность субъектов национальной безопасности, направленная на защиту национальных интересов от реальных и потенциальных угроз.

Пограничная политика в Республике Казахстан реализуется путем согласованных действий уполномоченных органов и представляет собой согласованную, скоординированную деятельность Правительства Республики Казахстан (далее Правительство РК) и уполномоченных органов, направленную на обеспечение пограничной безопасности, предупреждение и пресечение посягательств на суверенитет, целостность и неприкосновенность территории Республики Казахстан, защиту ее государственной границы.

Правительство РК по представлению местных исполнительных органов, согласованному с Комитетом национальной безопасности Республики Казахстан (далее КНБ РК) и Министерством внутренних дел Республики Казахстан, устанавливает перечень приграничных территорий, входящих в пограничную зону, где может исключаться или приостанавливаться действие отдельных ограничений, входящих в пограничный режим.

Местные исполнительные органы Республики Казахстан в сфере защиты и охраны государственной границы в пределах своей компетенции издают нормативные правовые акты, направленные на создание условий для защиты государственной границы; информируют Пограничную службу КНБ РК по вопросам, касающимся обстановки в пограничном пространстве; предоставляют земельные участки для нужд защиты и охраны государственной границы; оказывают помощь уполномоченным органам, осуществляющим защиту государственной границы, рассматривают и исполняют их представления и иные предусмотренные законодательством акты реагирования; для оперативного разрешения вопросов обеспечения пограничной безопасности назначают ответственных должностных лиц и организуют деятельность координационных советов по пограничным вопросам, создаваемых при акиматах приграничных районов (городов), с возложением на них функций координации (на своих территориях) за выполнением органами, организациями, общественными объединениями и гражданами требований законодательства в области защиты государственной границы. Иные государственные органы Республики Казахстан в пределах своих полномочий оказывают Пограничной службе КНБ РК, Вооруженным Силам Республики Казахстан содействие в обеспечении защиты государственной границы[10].

Уполномоченные органы, при выполнении возложенных на них задач по защите государственной границы взаимодействуют между собой, реализуют совместные меры и информируют друг друга по вопросам, относящимся к их компетенции. Пограничная служба КНБ РК, Министерство обороны Республики Казахстан организуют непосредственно на государственной границе взаимодействие своих сил и уполномоченных органов, участвующих в защите государственной границы или осуществляющих свою деятельность, затрагивающую интересы в сфере защиты и охраны государственной границы.

Пограничная служба КНБ РК оказывает содействие правоохранительным, природоохранным органам в защите граждан, природных ресурсов и окружающей среды, соблюдении миграционного законодательства в пограничном пространстве и в пределах пограничного пространства имеет право: координировать в пределах своих полномочий деятельность уполномоченных органов и организаций в области реализации пограничной политики и обеспечения пограничной безопасности, организовывать взаимодействие своих сил и уполномоченных органов, участвующих в защите государственной границы или осуществляющих деятельность, затрагивающую интересы защиты государственной границы; вносить в государственные органы, общественные объединения, организации обязательные к исполнению представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушений в пограничном пространстве или препятствующих деятельности Пограничной службы КНБ РК; запрашивать и получать безвозмездно от уполномоченных органов, организаций и общественных объединений информацию, необходимую для исполнения обязанностей; при усилении охраны государственной границы в порядке, определяемом совместными решениями с Министерством обороны Республики Казахстан и Министерством внутренних дел Республики Казахстан, использовать выделяемые ими силы и средства.

Таким образом, особенностью правового регулирования взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления в сфере защиты и охраны государственной границы в Республике Казахстан является закрепление в нормативных правовых актах Республики Казахстан полномочий Правительства Республики Казахстан, местных исполнительных и иных государственных органов Республики Казахстан в области защиты государственной границы, при этом уполномоченные органы, при выполнении возложенных на них задач по защите государственной границы взаимодействуют между собой, реализуют совместные меры и информируют друг друга по вопросам, относящимся к их компетенции.

Как следует из Конституции Кыргызской Республики, Президент республики назначает и освобождает от должности членов Правительства – руководителей государственных органов, ведающих вопросами обороны, национальной безопасности, а также их заместителей; возглавляет Совет обороны, образуемый в соответствии с законом; утверждает Концепцию национальной безопасности, Военную доктрину Кыргызской Республики, разработанную (уточненную) Советом обороны Кыргызской Республики; по предложению Совета обороны Кыргызской Республики утверждает краткосрочные и долгосрочные программы обеспечения национальной безопасности, контролирует их реализацию; по предложению Совета обороны Кыргызской Республики принимает оперативные решения по обеспечению национальной безопасности; в пределах определенной законами компетенции, в целях обеспечения национальной безопасности страны принимает решение об объявлении общей или частичной мобилизации, состояния войны в случае агрессии или непосредственной угрозы агрессии Кыргызской Республике, военного положения, с последующим незамедлительным внесением данных вопросов на рассмотрение Жогорку Кенеша Кыргызской Республики[12].

Жогорку Кенеш Кыргызской Республики в сфере защиты и охраны государственной границы: осуществляет законодательное регулирование в сфере национальной безопасности; осуществляет контроль за исполнением законов в сфере национальной безопасности; вводит чрезвычайное положение в случаях и порядке, предусмотренных конституционным законом; утверждает или отменяет указы Президента Кыргызской Республики по этому вопросу.

Правительство Кыргызской Республики в сфере защиты государственной границы обеспечивает реализацию мер по охране государственного суверенитета, территориальной целостности, защите конституционного строя, а также мер по укреплению обороноспособности, национальной безопасности и правопорядка; принимает меры по охране государственного суверенитета, территориальной целостности, защите конституционного строя, а также укреплению обороноспособности, национальной безопасности и правопорядка и обеспечивает их реализацию; обеспечивает исполнение законов и иных нормативных правовых актов, регламентирующих отношения в сфере национальной безопасности; в пределах своей компетенции осуществляет руководство государственными органами обеспечения национальной безопасности.

Правовое регулирование взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления в сфере защиты и охраны государственной границы осуществляется в соответствии с Законами Кыргызской Республики от 26 февраля 2003 года № 44 «О национальной безопасности» и от 11 января 1994 года №1362-ХП «Об органах национальной безопасности Кыргызской Республики». Национальная безопасность достигается проведением единой государственной политики в области обеспечения национальной безопасности, системой мер экономического, политического, организационного, военного и иного характера, адекватных угрозам жизненно важным интересам личности, общества и государства.

Для непосредственного выполнения функций по обеспечению безопасности личности, общества и государства в системе исполнительной власти в соответствии с законом образуются государственные органы обеспечения национальной безопасности. Систему национальной безопасности образуют органы государственной власти, государственные, общественные и иные организации и объединения, граждане, принимающие участие в обеспечении национальной безопасности в соответствии с законодательством, регламентирующим отношения в сфере безопасности, при этом создание органов обеспечения национальной безопасности, не установленных законом Кыргызской Республики, не допускается. Обеспечение безопасности личности, общества и государства осуществляется на основе взаимодействия органов государственной власти[13].

Органы национальной безопасности оказывают содействие пограничным войскам в охране государственной границы Кыргызской Республики и взаимодействуют с правоохранительными и другими государственными органами в порядке, определенном законами Кыргызской Республики, а также принятыми в соответствии с ними актами уполномоченного государственного органа, ведающего вопросами национальной безопасности, и соответствующего ведомства, а также с государственными органами, а также предприятиями, учреждениями, организациями и должностными лицами, содействующими выполнению возложенных на них задач.

Как следует из Постановления Правительства Кыргызской Республики от 10 декабря 2012 года № 814 «О вопросах Государственной пограничной службы Кыргызской Республики» (далее Пограничная служба) на Пограничную службу возлагаются задачи по: охране и защите государственной границы; принятию мер во взаимодействии (совместно) с государственными органами, осуществляющими противодействие терроризму, по выявлению, задержанию и уничтожению террористов или террористических групп на государственной границе, в пограничной полосе и пограничной зоне; содействию правоохранительным, природоохранным органам Кыргызской Республики в защите граждан, природных богатств и окружающей среды в пограничной зоне и пограничной полосе. Для выполнения возложенных задач Пограничная служба осуществляет следующие функции: организация мероприятий по выполнению совместно с заинтересованными государственными органами законодательства, вступивших в установленном порядке в силу международных договоров, участницей которых является Кыргызская Республика, регулирующих отношения в области охраны и защиты государственной границы; организация взаимодействия с государственными органами, органами местного самоуправления, другими юридическими и физическими лицами в интересах охраны и защиты государственной границы, а также в целях оказания Пограничной службе шефской и иной помощи; организация информационно-аналитического и научного обеспечения деятельности Пограничной службы, проведение аналитических исследований в сфере охраны и защиты государственной границы, подготовка и предоставление информационно-аналитических материалов по этим вопросам Президенту Кыргызской Республики, Жогорку Кенешу Кыргызской Республики, Правительству Кыргызской Республики, Генеральному штабу Вооруженных Сил Кыргызской Республики, а также иным заинтересованным государственным органам Кыргызской Республики.

Особенностью конституционно-правового регулирования взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления в сфере защиты и охраны государственной границы в Кыргызской Республике является возложение на уполномоченный государственный орган в сфере охраны государственной границы координацию совместных действий, уполномоченных государственных и местных органов, оказывающих содействие в охране государственной границы.

Произведенный анализ конституционно-правового регулирования и характеристики субъектов взаимодействия – органов государственной власти и органов местного самоуправления *государств – членов* ЕАЭС и государств-участников СНГ в сфере защиты и охраны государственной границы позволяет прийти к выводам, что во-первых, способы формирования органов государственной власти и органов местного самоуправления, их компетенция и полномочия в сфере защиты и охраны государственной границы различны; во-вторых, органы государственной власти и органы местного самоуправления функционируют и взаимодействуют в этой сфере; в третьих, в правовых актах *государств – членов* ЕАЭС и государств – участников СНГ, в прямой постановке формы взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления по защите государственной границы не всегда определены (основными можно выделить содействие и координация); в-четвертых, взаимодействие между органами государственной власти и местного самоуправления по охране государственной границы осуществляется на различных уровнях, что приводит к появлению проблем исполнения и ответственности за исполнение принятых решений со стороны взаимодействующих сторон; в-пятых, в правовых актах не отражены вопросы взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления приграничных субъектов и районов *государств – членов* ЕАЭС и государств – участников СНГ в сфере защиты и охраны государственной границы; в-шестых необходимо переориентировать усилия органов исполнительной власти *государств – членов* ЕАЭС и государств – участников СНГ на обеспечение национальных интересов на внешней границе ЕАЭС и СНГ и разработать единую правовую базу по ее защите и охране.

С учетом вышеизложенного можно сформулировать следующее определение понятия: взаимодействие органов государственной власти и органов местного самоуправления на участках государственной границы Содружества Независимых Государств и Евразийского экономического союза – это согласованная по задачам, целям, принципам, методам и средствам их достижения, совместная деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления по защите государственной границы *государств входящих в СНГ и ЕАЭС*, учитывающая комплекс экономических, культурных, этнополитических, религиозных, военных и других особенностей, а также современные политические реальности.

Список литературы

1. Конституция Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 года [Электронный ресурс] : (по состоянию на 24 декабря 2008 года) (с) VES Consultancy LLC (дата обращения 20.04. 2015).
2. Конституция Республики Армения [По состоянию на 10.03.14.]

3. Закон Республики Армения от 17 декабря 2001 года №ЗР-265 «О государственной границе» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20 октября 2003 года).
4. Закон Республики Армения «О Пограничных войсках» от 20.11.2001 г. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.04.2003г.) <http://www.odkbarmenia.am/index.php/ru/document/database/22-zakon-respubliki-armeniya-o-borbe-s-terrorizmom-ot-22-marta-2005-goda>.
5. Конституция Республик Беларусь [По состоянию на 10.03.14.].
6. Закон Республики Беларусь от 3 января 2002 года №74-З Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь [По состоянию на 20.03.16.]
7. Закон Республики Беларусь от 21 июля 2008 г. № 419-З «О Государственной границе Республики Беларусь» [По состоянию на 20.03.16.]
8. Закон Республики Беларусь от 11 ноября 2008 г. № 454-З Об органах Пограничной службы Республики Беларусь [По состоянию на 20.03.16.]
9. Конституция Республики Казахстан [По состоянию на 10.03.14.].
10. **Закон Республики Казахстан «О Государственной границе Республики Казахстан»** (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.01.2015 г.) ИС Параграф WWW <http://online.zakon.kz>.
11. Указ Президента Республики Казахстан от 10 декабря 1999 года № 282 «Вопросы Пограничной службы Комитета национальной безопасности Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 14.11.2014 г.)
12. Конституция Кыргызской Республики Принята референдумом (всенародным голосованием) 27 июня 2010 года [Электронный ресурс]: (с) VES Consultancy LLC (дата обращения 20.07. 2015)
13. О национальной безопасности [Электронный ресурс] : Закон Кыргызской Республики от 26 февраля 2003 года №44 // Принят Законодательным собранием Жогорку Кенеша Кыргызской Республики 31 января 2003 года (с) VES Consultancy LLC (дата обращения 20.07. 2015);
14. Об органах национальной безопасности Кыргызской Республики [Электронный ресурс] : закон Кыргызской Республики от 11 января 1994 года №1362-XII (с) VES Consultancy LLC (дата обращения 20.07. 2015);
15. О Государственной границе Кыргызской Республики [Электронный ресурс]: закон Кыргызской Республики от 16 мая 2015 года №98 (с) VES Consultancy LLC (дата обращения 20.07. 2015)
16. О вопросах Государственной пограничной службы Кыргызской Республики [Электронный ресурс] : постановление Правительства Кыргызской Республики от 10 декабря 2012 года №814 (с) VES Consultancy LLC (дата обращения 20.07. 2015)
17. Об утверждении Положения о порядке привлечения граждан Кыргызской Республики к охране государственной границы Кыргызской Республики [Электронный ресурс] : постановление Правительства Кыргызской Республики от 22 мая 2003 года №293 (с) VES Consultancy LLC (дата обращения 20.07. 2015).

СЕКЦИЯ №3.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

НЕКОММЕРЧЕСКИЕ КОРПОРАЦИИ КАК СТОРОНА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ДОГОВОРОВ

Жмаев А.Н., Чулкова О.С.

Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов

Значительная часть норм, содержащихся в части первой ГК РФ, несмотря на то, что они посвящены общим вопросам функционирования юридических лиц, являются нормами прямого действия и не нуждаются в развитии в иных нормативных актах. Среди них выделяются нормы, содержащиеся в п.1 гл.4 ГК РФ (основные положения о юридических лицах: определение и классификации юридических лиц, правила определения их наименований и места нахождения, общие вопросы правопреемства, основания ликвидации и пр.). Кроме того, в ГК РФ содержится достаточный набор правил, непосредственно

регулирующих деятельность отдельных организационно-правовых форм юридических лиц (корпоративных и унитарных юридических лиц).

При этом присутствуют определенные различия в интенсивности правового регулирования и степени детализации тех или иных положений, применимых к коммерческим и некоммерческим юридическим лицам.

В настоящее время коммерческие организации создаются в форме хозяйственных товариществ и обществ, крестьянских (фермерских) хозяйств, хозяйственных партнерств, производственных кооперативов, государственных и муниципальных унитарных предприятий (п. 2 ст. 50 ГК РФ). П.3 этой же статьи содержит исчерпывающий перечень некоммерческих юридических лиц. Некоммерческие корпоративные организации создаются в организационно-правовых формах потребительских кооперативов, общественных организаций, ассоциаций (союзов), нотариальных палат, товариществ собственников недвижимости, казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, а также общин коренных малочисленных народов Российской Федерации (п. 3 ст. 50 ГК РФ).

Доктрина корпоративного права до последнего времени уделяла первостепенное внимание корпоративным отношениям, складывающимся внутри хозяйственных обществ, изучению структуры отношений внутри корпорации на примере наиболее распространенной формы – акционерного общества. Интерес цивилистов практически не распространяется на исследование статуса некоммерческих корпораций, ими нередко даже прямо или косвенно отрицается корпоративная природа различных общественных объединений и ассоциаций (союзов) граждан или юридических лиц. В этом сказывается несомненное влияние американского корпоративного права, а отчасти существующая отечественная концепция предпринимательского и коммерческого права.

Общим определяющим признаком некоммерческих корпораций является система членских правоотношений, основанная на объединении их участниками определенного имущества, в основном, вступительных и членских взносов для достижения общей цели. Подобные взносы зачастую не имеют целью увеличение общего имущества и соответственно стоимости своих долей в нем. Вместе с тем участники корпорации обязаны участвовать в образовании ее имущества.

Все это говорит о том, что и в некоммерческих корпорациях неизбежно возникают имущественные корпоративные отношения, правовой режим которых принципиально сходен с режимом аналогичных отношений, возникающих в рамках коммерческих корпораций (не говоря уже о прямо закрепленной законом возможности участия некоммерческих корпораций в деятельности приносящей доход (п. 5 ст. 50 ГК РФ)).

Действующий ГК РФ дает определение предпринимательской деятельности (ст. 2 ГК РФ) и называет ее субъектов, относя к ним граждан - индивидуальных предпринимателей и коммерческие организации.

Согласно ч.1 ст.34 Конституции РФ каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности. Однако свобода предпринимательской деятельности должна реализовываться в русле других положений Конституции РФ, в том числе ч.1 ст.7, сформулированной в главе 1 «Основы конституционного строя», согласно которой Российская Федерация - социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В то же время государство принимает меры к недопущению внеэкономического обогащения предпринимателей, увеличения объемов их богатства без адекватного производства необходимых обществу товаров, работ, услуг. Так, согласно ст.333 ГК РФ суд вправе уменьшить неустойку, если она явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства. При этом арбитражный суд должен уменьшить размер неустойки независимо от того, заявлялось ли такое ходатайство ответчиком.

Частнопубличный характер предпринимательской деятельности не мог не сказаться на эволюции договора как правовой формы, опосредующей предпринимательскую деятельность. По мере усиления публичности в том или ином виде предпринимательской деятельности, заинтересованности общества в определенных товарах, работах и услугах государство устанавливает все большее число всевозможных условий, относящихся к существенным или необходимым [1].

Совокупность договоров корпорации может быть классифицирована по типу другой стороны договора как: внешние - между корпорацией и внешним контрагентом (коммерческие договоры купли-продажи, оказания услуг, подряда); внутренние - между корпорацией и заинтересованными сторонами внутри корпорации (трудовые договоры) [2. С. 20].

Исходя из содержания предпринимательской деятельности (абз.3 п.1 ст.2 ГК РФ) соответственно выделяются предпринимательские договоры по продаже (реализации) товаров, передаче имущества в пользование, выполнению (производству) работ, оказанию услуг и некоторые другие.

По субъектному составу сторон выделяются договоры, все стороны которых являются предпринимателями и в которых в качестве одной из сторон выступает предприниматель.

К договорам, заключаемым между предпринимателями, относятся договоры: поставки товаров с предпринимательскими целями, контрактации, коммерческой концессии, финансовой аренды (лизинга), складского хранения, страхования предпринимательских рисков и договор простого товарищества, заключенный для осуществления предпринимательской деятельности, а также иные договоры, сторонами которых являются субъекты предпринимательства. Договорами, в которых одна сторона выступает в качестве предпринимателя, являются договоры розничной купли-продажи, проката, банковского вклада и банковского счета, кредитный договор, договоры энергоснабжения, перевозки грузов, транспортной экспедиции, строительного подряда, агентский договор и многие другие.

В рамках совершенствования гражданского законодательства круг возможных участников публичного договора был расширен. До внесения в ст. 426 ГК РФ изменений возможность заключения публичных договоров признавалась исключительно за коммерческими организациями, предпринимательская деятельность которых по продаже товаров, выполнению работ, оказанию услуг осуществлялась в отношении каждого, кто к ним обратится. Согласно п. 1 ст. 426 ГК РФ публичный договор заключается лицом, осуществляющим предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, и устанавливает его обязанности по продаже товаров, выполнению работ либо оказанию услуг, которые такое лицо по характеру своей деятельности должно осуществлять в отношении каждого, кто к нему обратится (розничная торговля, перевозка транспортом общего пользования, услуги связи, энергоснабжение, медицинское, гостиничное обслуживание и т.п.). Возможность осуществлять приносящую доход деятельность закреплена за некоммерческими организациями взамен ранее предоставляемого им права на занятие предпринимательской деятельностью.

По мнению Т.В. Сойфер, «закрепление возможности заключения некоммерческими организациями публичных договоров только в рамках осуществления ими приносящей доход деятельности не учитывает особенностей статуса данных юридических лиц, специфики их целей и методов их достижения. Зачастую деятельность по оказанию услуг, в том числе на возмездной основе, является для некоммерческих организаций основной, причем по характеру она осуществляется в отношении любого обратившегося лица» [3. С. 6-9].

Предпринимательская деятельность, которая приносит прибыль некоммерческим организациям, не должна быть их основной целью деятельности, т.е. той деятельностью, для которой они создавались. В то же время право некоммерческих организаций осуществлять дополнительно предпринимательскую деятельность имеет существенное значение, поскольку дает возможность создавать прочную материальную базу для осуществления основной уставной деятельности, для более интенсивной и плодотворной реализации своих уставных целей.

Изложенное позволяет сделать вывод: предпринимательская деятельность некоммерческих корпораций и опосредующие ее предпринимательские договоры обладают значительными особенностями и спецификой.

Список литературы

1. Богданов Е.В. Специфика и социальное значение предпринимательских договоров // Журнал российского права. 2002. № 1.
2. Гудков А.В. Контроль над корпорацией с помощью договора // Право и экономика. 2016. № 8.
3. Сойфер Т.В. К вопросу о публичных договорах с участием некоммерческих организаций // Гражданское право. 2016. № 3.

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ЕДИНСТВО – ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ПРИЗНАК КОРПОРАЦИИ

Жмаева Н.Е., Придворова М.Н.

Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов

В настоящее время мнение, согласно которому юридическое лицо, создаваемое в форме корпорации, является одним из основных участников гражданского оборота, не нуждается в специальном обосновании.

Социально-экономические преобразования, которые произошли в нашей стране за последние десятилетия, повлекли за собой коренные изменения в гражданском законодательстве, его кодификацию. В предшествующий период фундаментальным проблемам науки гражданского права довольно долго не уделялось должного внимания, и они отошли на второй план. А экономические реформы потребовали ответов на конкретные вопросы, имеющие сугубо утилитарный характер. На этом этапе своего развития наука гражданского права наиболее ярко продемонстрировала прикладной характер.

В последние годы в гражданском правопорядке России назрела необходимость в критическом анализе законодательства о юридических лицах с целью его усовершенствования. Законодательные новеллы 2014 года позволяют считать корпоративное право составной частью гражданского права, что следует из анализа п. 1 ст. 2 ГК РФ. Юридические лица подразделяются на корпоративные и унитарные.

Интерес ученых-цивилистов к проблемам, связанным с определением понятия и признаков юридического лица, прослеживается не один десяток лет. Единообразное применение правовых норм о юридическом лице требует осмысления на теоретическом уровне основополагающего признака организационного единства, применительно к корпоративным юридическим лицам. Это подразумевает исследование современных тенденций развития корпоративного права, поиск новых направлений в регулировании основополагающих вопросов деятельности корпораций.

Юридическое лицо - искусственный субъект гражданского права, который образован, по мнению некоторых ученых, в большей степени для того, что бы нести в первую очередь гражданско-правовую ответственность. Из понятия юридического лица вытекают его основополагающие признаки, которые общепризнанно делятся на две группы. К основным признакам относятся: организационное единство, имущественная обособленность, самостоятельная имущественная ответственность и выступление в гражданском обороте от собственного имени. Во вторую группу признаков входят индивидуализирующие, такие как регистрация юридического лица, наименование и местонахождения, организационно-правовая форма, учредительные документы, органы управления, наличие баланса. Только при наличии всех этих признаков в совокупности коллективное образование можно назвать юридическим лицом.

И.А. Еремичев и Е.А. Павлов справедливо отождествляют такие понятия, как «корпорация» и «юридическое лицо», и выделяют следующие их признаки:

- 1) достижение общей цели;
- 2) наличие организационной структуры, обеспечивающей организационное единство юридического лица и четкую регламентацию отношений между его участниками;
- 3) наличие обособленного имущества;
- 4) возможность выступать в гражданском обороте от собственного имени;
- 5) самостоятельная гражданско-правовая ответственность по обязательствам, в которые вступает юридическое лицо [2. С. 102].

Организационное единство, как признак юридического лица, заключается в том, что любое юридическое лицо имеет определенную внутреннюю структуру и органы управления. Данная организация выступает как единое целое, способное решать определенные социальные задачи и отличается наличием структурных подразделений, управляемых из единого центра [1].

В отличие от российского права, где признак организационного единства присущ всем юридическим лицам, американское право считает принцип централизованного управления исключительным свойством корпорации. Полагаем, что структура корпоративного управления существенно различна в России и США применительно к исследуемым юридическим лицам, а признак организационного единства не является аналогом централизованного управления [5].

Требование организационного единства - это обязательное условие для существования корпорации как субъекта права, поскольку в противном случае станет невозможным определение принципа членства в конкретной корпорации.

Признак организационного единства характеризует корпоративное управление в акционерном обществе и проявляется в наличии внутренней структуры, элементами которой являются органы управления, а также при необходимости - и соответствующих подразделений для выполнения установленных для нее задач [4. С. 230.]

Корпоративное юридическое лицо реализует свою правосубъектность через специально создаваемые органы. Наивысшей компетенцией обладает общее собрание участников. В корпоративном праве, как ранее и в гражданском, ведется дискуссия по вопросу определения самостоятельного статуса органов юридического лица. По нашему мнению, следует согласиться с позицией П.С. Настина, полагающего, что «признание органов юридического лица участниками корпоративных правоотношений идет вразрез с таким признаком юридического лица, как организационное единство, предполагающим наличие его четкой структуры, волеобразующих и волеизъявляющих органов с определенной компетенцией и выступление юридического лица в гражданском обороте как целого. О невозможности признать за органами юридического лица статус субъектов гражданского права говорит и отсутствие упоминания о них в подразд. 2 разд. 1 части первой Гражданского кодекса РФ» [3. С. 176].

При этом прослеживается некоторая непоследовательность законодателя по этому вопросу, в частности, действия органов юридического лица значимы для организаций (п. 1 ст. 53 ГК РФ), решения органов юридического лица могут быть обжалованы в суде и признаны недействительными (п. 1 ст. 65.2 ГК РФ) и пр.

Таким образом, признак организационного единства в деятельности корпораций имеет основополагающее значение для правильного понимания самой законодательной дефиниции «корпорация», сущности корпоративных отношений, внутренней структуры подобных юридических лиц.

Список литературы

1. Гришаев С.П. Эволюция законодательства о юридических лицах [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=7361> (дата обращения: 20.07.2017)
2. Корпоративное право: Учебное пособие для студ. вузов, обучающихся по спец. 030501 «Юриспруденция» / Под ред. И.А. Еремичева, Е.А. Павлова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007.
3. Настин П.С. Субъекты корпоративных правоотношений // Российский юридический журнал. 2016. № 5. С. 176-180.
4. Суханов Е.А. Юридические лица как участники гражданских правоотношений // Гражданское право: Учебник: В 4 т. / Отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2007. Т. I.
5. Фомина О.Н. Правовое положение предпринимательской корпорации в США и акционерного общества в Российской Федерации: Сравнительно-правовой анализ: монография. М.: Статут, 2016.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Латфулина Н.Ш.

Институт магистратуры

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов

Сегодня на международном уровне накоплен значительный опыт в вопросах защиты прав потребителей. Существуют даже определенные модели по реализации данной защиты: административная и судебная. Первая характеризуется деятельностью уполномоченного государственного органа, осуществляющего потребительскую политику. Вторая же проявляется в осуществлении судебных процедур. Однако, существует и третья - смешанная. Достаточно ярко данная модель можно продемонстрировать на

примере Польши, где защиту прав осуществляет государственный орган, а восстановление прав реализует омбудсмен.

Европейский союз также не стоит в стороне по вопросам защиты интересов потребителей. Данная сфера подведомственна Европейской Комиссии, а именно, Генеральному директорату Европейской комиссии по здравоохранению и защите потребителей. Кроме того, в рамках Стратегии потребительской политики устанавливаются цели, задачи, приоритеты по решению вопросов в данной сфере. Приоритетным направлением стратегии является укрепление прав потребителей в ЕС, улучшение их благосостояния, защита в рамках основных рисков и угроз. Важная роль отводится усовершенствованию законодательства в сфере защиты прав потребителей. Европейский союз придерживается принципа «минимальной гармонизации».

Множество международных договоров, конвенций затрагивают в своих положениях вопросы, касающиеся потребителей в той или иной части. К примеру, Варшавская конвенция об унификации некоторых правил, касающихся международных перевозок, в которой потребитель является одной из сторон. Вопрос о регулировании непосредственно договорных отношений в международном праве также обладает определенными особенностями. В частности, это связано с тем, что в том или ином международном договоре исключается его действие на такие отношения, если участник отношений, к примеру, приобретает товары для личных или семейных нужд. Это связано с тем, что в каждом государстве как правило есть специальное законодательство, уже регулирующее такого рода вопросы. А применение международно-правового акта в обход такого законодательства свидетельствовало бы о действиях по снижению эффективности данным международным актом такого законодательства. К примеру, Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. [1], положения которой не применяются к продаже товаров, что приобретаются для личных, семейных и домашних целей. Однако, в таком правиле есть исключения. А именно, данное ограничение не действует, если продавец в момент заключения договора или до не знал либо не должен был знать, что товары приобретаются для личного использования.

Следует отметить, что в международно-правовых актах содержится не только материально-правовые, но и коллизионные нормы. В качестве примера можно назвать Римскую конвенцию о праве, применимом к договорным обязательствам [2]. Она содержит широкий спектр коллизионных привязок для большого круга отношений, в том числе и с участием потребителей. Данная Конвенция универсальна. Конвенция схожа с положением ст.1212 ГК РФ, определяет понятие «потребителя», устанавливает превалирующее действие закона, избранного сторонами договора. Однако, императивные нормы права страны места жительства в случае осуществления основных действий по сделке в данной стране. Если выбор права не совершен, то применяется право государства, в котором потребитель имеет обычное место жительства. Кроме того, в положениях статьи 5 Конвенции установлено ограничение сферы ее применения. Так она не распространяется на договоры перевозки, договоры оказания услуг (если работы(услуги) оказываются в месте ином чем место жительства потребителя). Однако, такого рода ограничения не имеет действия на некоторые договоры в сфере услуг (договоры в сфере туристического обслуживания).

Нельзя не упомянуть Гаагскую конвенцию о праве, применимом к ответственности изготовителя 1973 года. Конвенция закрепляет *lex loci delicti commissi* (закон места причинения вреда). Его трактовка варьируется от применения права места совершения правонарушения до места наступления вредного эффекта. Это свидетельствует о наличии гибкого коллизионного регулирования [3]. Кроме того, правила Конвенции применяются вне зависимости от требования взаимности, а также если применимое право - право государства – не участника Конвенции.

В сфере перевозок необходимо отметить Варшавскую конвенцию об унификации некоторых правил, касающихся международных перевозок. Она содержит большое количество материально-правовых норм. Конвенция унифицировала правила об ответственности авиаперевозчика. Устанавливаются пределы, условия ответственности, возможность изменения которых предусматривается «особым соглашением». Коллизионные нормы отсылают к закону страны суда, а компетентные суды обращаются к нормам национального права. Данная Конвенция, в том числе, подлежит применению и к отношениям с участием потребителя. Основное достижение данной конвенции – унификация положений об ответственности авиаперевозчика. Условия и пределы ответственности возможно изменить посредством «особого соглашения». Коллизионные нормы в Конвенции немногочисленны. Так, для определения судебных издержек, периодических платежей, порядка исчисления сроков действует закон страны суда. Данные вопросы решаются на основании национального права соответствующего государства. Однако, допускается

применение права личного закона перевозчика. Согласно Варшавской конвенции вред возмещается пассажиру – лицу, заключившему договор. Если же вред причинен лицу без билета, то данный вопрос решается на основании общих положений гражданско-правовой ответственности с учетом коллизионной нормы.

Из международных соглашений, регулирующих защиту прав потребителей, стоит вновь отметить Соглашение об основных направлениях сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в области защиты прав потребителей [5]. Цель соглашения – сотрудничество в сфере политики по защите прав потребителей. Главный принцип заключается в равной правовой защите. То есть граждане могут обратиться за защитой своих прав как потребителей на условиях, аналогичных для граждан этих государств. Особое внимание привлекает положение о сближении национальных законодательств государств-участниц. Такое положение представляет собой гарантию обеспечения прав потребителя. Претворяют в жизнь данное Соглашение национальные органы государств стран-участниц. Для координации совместной деятельности учрежден Консультативный Совет. Соглашение содержит характеристику национальных законодательств в сфере защиты прав потребителей; определяются субъекты потребительских отношений; раскрываются основные понятия в сфере потребительского права. Для России данный Акт вступил в силу 2 июня 2000 года. Как отмечает А. Райлян [4], это стало главным достижением унификации и гармонизации потребительского законодательства. Кроме того, автор указывает на существенное воздействие российского законодательства на становление данного международного соглашения, обозначая большую роль Закона РФ «О защите прав потребителей». Такое положение свидетельствует об очень высоком уровне законодательной техники РФ и возможности использовать вышеупомянутый закон в качестве модального для стран СНГ. Стоит отметить, что Консультативный совет определил для себя ряд задач, решение которых стоит в приоритете на настоящий момент. Во-первых, это гармонизация законодательства. Для решения данной задачи предлагается принятие Модельной концепции по обеспечению эффективного функционирования системы защиты прав потребителей. Во-вторых, необходимо скоординировать деятельность при рассмотрении нарушений законодательства по с целью выявления недоброкачественных товаров, нарушения прав потребителей. В-третьих, воспрепятствование контрафактной и фальсифицированной продукции. В – четвертых, значительное усиление роли Консультативного Совета как в пределах СНГ, так и на международном уровне.

Таким образом, говоря о международном опыте в сфере защиты прав потребителей, можно отметить достаточно высокий уровень разработанности данного вопроса, изучение и применение которого позволит перейти национальному законодательству в этой области на уровень, более высокий, чем прежде.

Список литературы

1. Конвенция для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок (заключена в г. Варшаве 12.10.1929) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами, Вып. VIII, - М., 1935, С. 326 – 339.
2. Конвенция о праве, применимом к договорным обязательствам (Заключена в г. Риме 19.06.1980) // Treaty Series. Volume 1605. – New York: United Nations, 1997. P. 59 – 156.
3. Клетченкова М. М. Конвенционное регулирование отношений с участием потребителей // Журнал российского права. 2007. №8 (128). С. 84–88.
4. Потребительское право России: основные положения / Райлян А.А. - С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2005. – 453 с.
5. Соглашение об основных направлениях сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в области защиты прав потребителей // Бюллетень международных договоров. 2002. - № 3. - С. 25 - 28.

ВОПРОСЫ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО НЕПРАВОМЕРНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ СРЕЗ

Луполянская В.А., Никитенко И.В.

Приамурский Государственный Университет им. Шолом-Алейхема, г. Биробиджан

Эффективное развитие правового государства немислимо бес должной юридической защиты прав и свобод человека. И в то же время, государство не может пресечь все без исключения посягательства на подобные права и свободы. Однако, обеспечить восстановление нарушенных прав государство обязано, используя потенциал законодательной и исполнительной власти[1].

Очевидно, что современная российская государственность развивается столь же динамично, как и само общество, что обуславливает необходимость использования всего инструментария защиты и восстановления нарушенных прав. Одним из таких инструментов является возмещение морального вреда, который появился в нашей стране только в конце истекшего столетия.

Однако уже сегодня, можно отметить положительную динамику увеличения количества исков с требованиями компенсации морального вреда по отношению к предыдущим годам. Принимая же во внимание то, что этот институт становится все более популярным, мы можем прогнозировать рост количества подобных исковых требований, и в будущем. Тем более, что в современном российском законодательстве оговорены разные случаи, при которых возможно компенсировать моральный вред. Однако, анализируя судебную практику, касающуюся взыскания такого вреда, в регионе (Еврейская автономная область), мы пришли к выводу о том, что судами чаще всего рассматриваются следующие категории исков:

- о возмещении вреда по поводу дорожно–транспортных происшествий;
- инициируемые теми, в отношении кого совершены преступления, связанные с причинением вреда здоровью различной степени тяжести;
- подаваемые лицами, признанными потерпевшими по делам об убийствах.

В процессе изучения гражданских дел указанных категорий, нами были выявлен ряд проблем, с которыми сталкиваются суды при их рассмотрении.

Известно, что в Российской Федерации взыскание морального вреда возможно и без вины причинителя вреда. Так на основании ст. 1100 ГК РФ «Компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда в случаях, когда:

- вред причинен жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности;
- вред причинен гражданину в результате его незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ;
- вред причинен распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию;
- а также в иных случаях, предусмотренных законом».

Казалось бы, для того, чтобы решение состоялось в пользу истца, в случае с лицом, пострадавшим в результате ДТП, достаточно подтвердить только сам факт произошедшей аварии и установить надлежащего ответчика, будь то собственник или пользователь транспортного средства. Однако, это правило действительно работает если в ходе ДТП истцу был причинен физический вред либо увечья. В этом случае истец, с помощью медицинских и иных документов подтверждает факт наличия у него после аварии каких – либо телесных повреждений, и суд, принимая во внимание представленные документы допускает, что после получения телесных повреждений, истец испытывал физические, а вместе с ними и нравственные страдания и удовлетворяет исковые требования в полном объеме, либо в части.

Иначе обстоит ситуация с исками участников ДТП, которые не получили никаких телесных повреждений, однако, им в ходе ДТП причинен моральный вред, выразившийся в понесенных нравственных страданиях. У участников ДТП могут развиваться различные психические расстройства, которые, безусловно причиняют пострадавшему нравственные, а возможно и физические страдания. В такой ситуации чаще всего оказываются дети, либо пожилые люди. В данном случае истцу или его законному представителю будет сложнее доказать наличие оснований для компенсации морально вреда. Как показала практика, необходимо, чтобы свое мнение высказал специалист психиатр, либо психолог. В описанной ситуации стоит

обратиться к специалисту до заявления иска, при необходимости получить от него квалифицированную помощь (о чем будут составлены соответствующие документы), либо ходатайствовать перед судом о приглашении специалиста в судебное заседание для дачи заключения о степени испытываемых страданий. Можно отметить, что в обоих описанных случаях, мнение специалистов в области медицины является очень важным для принятия судом того или иного решения.

В ситуации, когда иск с требованием возмещения морального вреда, подается лицом, здоровью которого причинен вред в результате совершения в отношении него уголовно наказуемого деяния, а также лицом, признанными потерпевшими по делам об убийстве, истцу достаточно просто доказать факт наличия оснований для возмещения морального вреда, поскольку и в том и в другом случае, в ходе расследования уголовного дела факт причинения вреда здоровью, либо причинения смерти конкретным лицом доказано и у суда имеется приговор, который является для суда преюдицией. В указанных обстоятельствах проблемы возникают только при определении разумной суммы компенсации, либо при определении надлежащего ответчика, в случае, если преступление было совершено в соучастии с неравным распределением ролей между обвиняемыми.

Однако случается и так, что в ходе расследования не было собрано достаточной совокупности доказательств причастности обвиняемого к совершению преступления, тогда судом будет вынесен оправдательный приговор. Если ситуация сложилась указанным образом, и оправдательный приговор либо не был обжалован, либо был обжалован безуспешно, потерпевшему, как показывает практика, не удастся добиться возмещения морального вреда.

Существует ряд общих проблем, которые касаются абсолютно всех подаваемых исков о взыскании морального вред. К ним относится, прежде всего то, что для того, чтобы решение суда было в пользу истца, последнему необходимо доказать наличие состава правонарушения, преступления или гражданского проступка, доказать наличие последствий в виде причинения истцу нравственных и физических страданий, а также причинно – следственную связь между действиями ответчика и наступившими последствиями. Указанное не относится к искам, поданным потерпевшими по уголовным делам, в случае если в отношении обвиняемого был постановлен обвинительный приговор, поскольку в данном случае обязанность доказывания наличия состава преступления, причинно-следственной связи лежит на правоохранительном органе, а обвинительный приговор для суда, рассматривающего такой иск является преюдицией. То же самое можно сказать и об исках, поданных потерпевшими по делам об административных производствах.

Для доказывания истцом в суде фактов, на которые он ссылается, как правило истцам не хватает понимания сути предъявляемых требований о взыскании компенсации морального вреда в связи с проблемами толкования терминов, используемых законодателем.

Также истцы часто пренебрегают обращением в медицинские учреждения, а закон в данном случае не обязывает к этому, хотя для удостоверения факта наличия моральных и физических страданий в суде, официально установленный диагноз или даже сам факт обращения к специалисту был бы учтен как доказательство того, что такие страдания имели место быть.

Отсутствие более конкретного законодательного закрепления понятий, используемых в нормах, определяющих порядок и основания возмещения морального вреда, приводит не только к проблемам истцов и ответчиков по таким делам, но и к проблемам на стадии вынесения решения судами. Такие проблемы возникают как при оценке личности истца при назначении суммы компенсации, так и при оценке непосредственно степени нравственных и физических страданий, поскольку каждый из судей, при принятии решений исходит из личных убеждений. Таким образом, формируется неоднородная судебная практика даже в пределах одного региона.

Из опроса судей нами было установлено, что для учета личности истца одни принимают во внимание его возраст и впечатлительность, которую судья оценивает субъективно во время производства по делу, другие учитывают социальное и материальное положение истца. Для определения степени нравственных и физических страданий, испытанных истцом, одни принимают во внимание мнение медицинских работников, а в его отсутствии определяют минимальную сумму, подлежащую возмещению, другие самостоятельно определяют степень страданий, исходя из показаний самого истца, а также свидетелей по делу.

Для решения сложившейся ситуации необходимо внесение в действующее законодательство изменений.

Ряд проблем, с которыми сталкиваются суды могут решиться путем обязывания проведения в отношении истца психиатрической, либо психолога – психиатрической экспертизы, в зависимости от

возраста и наличия установленного ранее психического отклонения. Однако, вместе с изменением законодательства появятся и те, кто от прохождения такой экспертизы откажутся.

Что бы такой проблемы не возникало, предлагаем внести изменение в отдельные положения ряда нормативных актов. В частности, основополагающим изменением должно стать изменение статьи 151 ГК РФ, в которой необходимо установить, что степень физических и нравственных страданий, испытываемых истцом, должны определяться путем проведения психиатрической, либо психолого–психиатрической экспертизы, в рамках рассмотрения иска о возмещении морального вреда. В таком случае, постановление о проведении экспертизы должен инициировать суд, с учетом фактически установленных обстоятельств по делу, после истребования необходимых материалов. Проведение такой экспертизы позволит суду при определении суммы, подлежащей взысканию, избежать необоснованного обогащения истцов, а также учитывать личность истца наиболее полно и объективно, как того требует законодательство. При этом судья освобождается от дополнительных обязанностей, требующих особой квалификации и знаний в области психиатрии.

---

¹ Луполянская, В.А., Никитенко, И.В. Проблемы компенсации морального вреда причиненного неправомерными действиями // [Актуальные проблемы юриспруденции и пути решения](#) сборник научных трудов по итогам III международной научно-практической конференции. – Омск. – 2016. – С. 61-64.

Список использованных источников

Нормативные правовые акты

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) // Российская газета 2009. № 7.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ // Правовая система «Консультант плюс».

Материалы судебной практики

1. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. N 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Правовая система «Консультант плюс».
2. Материалы, собранные в ходе прохождения производственной (преддипломной практики).

Учебная и научная литература

1. Белякова А.М. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда. - М., 1986.
2. Красавчиков О.А. Ответственность, меры защиты и санкции в советском гражданском праве // В сб.: Проблемы гражданско-правовой ответственности и защиты гражданских прав.- Свердловск, 1973.
3. Луполянская, В.А., Никитенко, И.В. Проблемы компенсации морального вреда причиненного неправомерными действиями // [Актуальные проблемы юриспруденции и пути решения](#) сборник научных трудов по итогам III международной научно-практической конференции. – Омск. – 2016. – С. 61-64.
4. Поляков И.Н. Ответственность по обязательствам вследствие причинения вреда. - М., 1998.
5. Райхер В.К. Вопросы ответственности за причинение вреда // Советское государство и право. 1971. № 5.
6. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства. – 3-е изд., испр. и доп. – М., 2004.
7. Рахмилович В.А. о пробелах и противоречиях // Журнал российского права. 1997. № 12. С. 59.
8. Никитенко И.В. Криминологическое обеспечение миграционной безопасности азиатской части России // Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД РФ. Москва, 2014 с. 46.

ПРОБЛЕМЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО НАЛОГОВЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ В РАМКАХ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Луполянский Д.О., Пархоменко А.Г.

Приамурский Государственный Университет им. Шолом-Алейхема, г. Биробиджан

Экономические преступления в целом, и, в частности, налоговые преступления, причиняют огромный вред бюджету Российской Федерации, несмотря на относительно небольшой удельный вес в общем количестве преступлений, они могут представлять серьезную угрозу экономической безопасности государства.

Исходя из положений Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.12.2006 N 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» общественная опасность уклонения от уплаты налогов и сборов, заключается в том, что денежные средства не поступают в бюджет страны. В современных условиях экономического кризиса и стремления зарубежных государств изолировать экономику России, проблема поступления денежных в бюджет встает наиболее остро. Поэтому вопрос борьбы с налоговыми преступлениями, и, как следствие, вопрос возмещения ущерба, причиненного такими преступлениями, сегодня становится наиболее актуальным. Именно проблеме взыскания ущерба, причиненного налоговым преступлением, уделяется внимание в настоящей статье.

Размер ущерба, причиненного налоговым преступлением, устанавливается в ходе расследования уголовного дела по материалам, как правило, представленным налоговым органом следственным органам или органам внутренних дел в порядке, предусмотренном ст. 32 Налогового кодекса Российской Федерации. Ущерб устанавливается путем проведения экономической экспертизы, на которую представляются материалы, собранные в ходе контрольных мероприятий налоговых органов. Как показывает практика, размер ущерба, установленный в ходе проведенных экономических экспертиз в ходе расследования налогового правонарушения, значительно разнится с размером выявленной недоимки по налогам и сборам, выявленной налоговыми органами в ходе проведенной выездной или камеральной налоговой проверки, как правило, эксперту удается рассчитать ущерб в значительно меньшей сумме, нежели выявленной суммы недоимки налоговыми органами. Данное обстоятельство обуславливается прежде всего отсутствием достаточной доказательной документально подтвержденной базы по расчету выявленной недоимки и ограниченностью возможностей и прав налоговых органов по получению соответствующих доказательств. Здесь мы сталкиваемся с первой проблемой, присутствующей в комплексе мер по взысканию ущерба, причиненного преступлением. Ведь недостаточность доказательственной базы ведет к занижению ущерба в результате его расчета, и как следствие, влияет на квалификацию преступления, либо вообще приводит к тому, что сумма недоимки, рассчитанная в результате проведения экспертизы в ходе расследования уголовного дела, становится меньше предусмотренного диспозициями статей уголовного кодекса, и как следствие, уголовное дело прекращается еще на стадии предварительного расследования либо по срокам давности привлечения к уголовной ответственности, либо за отсутствием состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ).

При таких обстоятельствах становится неясным стремление законодателя к гуманизации ответственности за налоговые преступления. Так, Федеральным законом № 325-ФЗ, который опубликован и вступил в силу с 15 июля 2016 года, внесены отдельные поправки в Уголовный кодекс Российской Федерации, согласно которым, налоговые правонарушения становятся преступлениями, при установлении налоговой недоимки или незаконного возмещения налогов в «крупных» и «особо крупных» размерах (примечания к ст.ст. 198, 199 УК РФ), внесенными поправками размер крупного ущерба скорректирован в сторону повышения в 2,5 раза, а особо крупный размер - в полтора раза. Таким образом, многие физические лица и руководители организаций могут избежать уголовной ответственности, либо избежать наказания, вследствие истечения сроков давности уголовного преследования.

После завершения стадии предварительного расследования налогового преступления, уголовное дело передается в суд с обвинительным заключением для дальнейшего рассмотрения и вынесения приговора в отношении обвиняемого по уголовному делу, а также для решения вопроса по гражданскому иску.

Пункт 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 N 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» гласит, что судам

надлежит учитывать, что в приговорах о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 198, 199, 199.1 и 199.2 УК РФ, должно содержаться решение по предъявленному гражданскому иску.

Истцами по таким гражданским искам могут выступать налоговые органы (пп. 16 п. 1 ст. 31 НК РФ) или органы прокуратуры (ч.3 ст. 44 УПК РФ), в качестве же гражданского ответчика выступают конкретные лица, исполняющие финансово-распорядительные функции юридического лица, уполномоченные представлять интересы организации, признанные виновными в совершении преступления и обязанные в соответствии со ст. 1064 и 1068 ГК РФ нести ответственность за вред, причиненный преступлением.

В соответствии с п. 10 ч. 1 ст. 299 УПК РФ, в своем приговоре суд должен решить вопрос о том, подлежит ли удовлетворению гражданский иск, в чью пользу и в каком размере. При этом уголовно-процессуальное законодательство предусматривает следующие виды решений по гражданскому иску, которые суд вправе принять при вынесении приговора:

- удовлетворить иск полностью или в части (при вынесении обвинительного приговора);
- отказать в удовлетворении иска полностью или в части (при вынесении оправдательного приговора или постановления о прекращении уголовного дела за отсутствием события преступления или в связи с непричастностью обвиняемого к совершению преступления);
- оставить иск без рассмотрения (при вынесении оправдательного приговора либо постановления о прекращении уголовного дела по основаниям, предусмотренным ч. 1 ст. 24 УПК РФ (кроме п. 1) и ч. 1 ст. 27 УПК РФ (кроме п. 1));
- признать за гражданским истцом право на удовлетворение иска и передать вопрос о размере его возмещения для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства (в случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 309 УПК РФ);
- прекратить производство по гражданскому иску в связи с отказом от него гражданского истца (ч. 5 ст. 44 УПК РФ).

Пунктом 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.04.1996 N 1 «О судебном приговоре» указано, что в соответствии с положениями ч. 2 ст. 309 УПК РФ при постановлении обвинительного приговора суд обязан разрешить предъявленный по делу гражданский иск. Только при необходимости произвести дополнительные расчеты, связанные с гражданским иском, требующие отложения судебного разбирательства, а также, когда это не влияет на решение суда о квалификации преступления, меры наказания и по другим вопросам, возникающим при постановлении приговора, суд может признать за гражданским истцом право на удовлетворение гражданского иска и передать вопрос о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства.

Как показывает практика, при рассмотрении дел о налоговых преступлениях суды используют четвертый из вышеперечисленных вариантов, то есть признают за гражданским истцом (налоговым органом) право на удовлетворение иска и передают вопрос о размере его возмещения для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства.

Таким образом, суды в ходе рассмотрения уголовного дела, снимают с себя обязанность по принятию решения о возмещении ущерба, причиненного налоговым преступлением. Между тем, оставление права за налоговым органом обращения в суд в дальнейшем, в порядке гражданского судопроизводства, приводит также к «затягиванию» процедуры возмещения ущерба в бюджет Российской Федерации. Тем более, что, как правило, сумма ущерба, установленная в ходе расследования по уголовному делу остается неизменной в ходе гражданского судопроизводства, и попытки налоговых органов уточнить сумму ущерба в дальнейшем, к примеру, в сторону увеличения (до размера, установленного налоговыми органами в ходе контрольных мероприятий) остаются безрезультатными, ведь суды при принятии решений по гражданскому иску исходят из результатов экономической экспертизы, произведенной в ходе предварительного расследования уголовного дела. Назначение же новой экономической экспертизы по установлению ущерба в ходе рассмотрения гражданского иска налоговых органов возможно только по ходатайству одной из сторон гражданского процесса, и здесь мы снова сталкиваемся с проблемой отсутствия у налоговых органов возможностей по ходатайству о назначении такой экспертизы (ввиду недостаточности финансирования налоговой службы). Кроме того, после объявления виновному в совершении налогового преступления приговора, им предпринимаются все действия, для того чтобы сокрыть денежные средства и имущество, за счет которых должен быть взыскан размер причиненного ущерба. Поэтому, как правило, на момент подачи налоговым органом иска в суд о возмещении ущерба, причиненного преступлением, взыскивать с виновного лица уже, зачастую, становится нечего. Проблема по сокрытию денежных средств и имущества, за счет которого должно производиться взыскание причиненного ущерба заслуживает отдельной статьи. Нам же

остается сделать вывод о несовершенности Российского законодательства в области регулирования механизма взыскания ущерба, причиненного налоговым преступлением. Решение данной проблемы требует комплексного подхода, от расширения полномочий налоговых органов в области добывания доказательной базы еще в ходе проведения контрольных мероприятий в отношении налогоплательщиков, до разработки совместных соглашений между налоговыми органами, органами внутренних дел и следственными органами по выявлению налоговых преступлений. Кроме того, на наш взгляд, требуют пересмотра примечания к статьям уголовного кодекса о налоговых преступлениях в части уменьшения предельных сумм размера вреда, причиненного преступлением. Только при таких обстоятельствах можно будет увидеть плоды эффективного взыскания ущерба, причиненного налоговыми преступлениями.

Библиографический список

Нормативные правовые акты

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) // Российская газета. 2009. N 7.
2. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. N 51-ФЗ // Российская газета. 1994. N 238 - 239.
3. Налоговый кодекс РФ от 31.07.1998 N 146-ФЗ // Правовая система "Консультант плюс"

Материалы судебной практики

3. Материалы, собранные в ходе прохождения производственной (преддипломной практики).
4. Постановление Конституционного Суда РФ N 24-П от 12.10.1998 "По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 11 Закона РФ от 27.12.1991 "Об основах налоговой системы в РФ // Правовая система "Консультант плюс".
5. Постановление Пленума Высшего Арбитражного суда РФ № 53 от 12.10.2006 "Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды" // Правовая система "Консультант плюс".

Учебная и научная литература

1. Бартунаева Л.Н. Предмет доказывания по налоговым спорам, связанным с привлечением субъекта хозяйственной деятельности к ответственности // Правовая система "КонсультантПлюс"
2. Баталова Л.А., Вершинин А.П. Способы защиты прав налогоплательщиков в арбитражном суде. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1997
3. Бобоев М.Р., Мамбеталиев Н.Т., Тютюрюков Н.Н. Налоговые системы зарубежных стран: Содружество Независимых Государств: Учебное пособие. М.: Гелиос АРВ, 2002
4. Брызгалин А.В. Налоги и налоговое право: Учеб. пособие. М., 1997
5. Витрянский В.В., Герасименко С.А. Налоговые органы, налогоплательщик и Гражданский кодекс. М., 2007
6. Гудым В.Н. Классификация способов защиты прав налогоплательщиков в арбитражном суде // Правовая система "КонсультантПлюс".
7. Дюжов А.В. Налоги и налогообложение. М.: Московская финансово-промышленная академия, 2008
8. Кучерявенко Н.П. Курс налогового права: В 6 т. Харьков, 2002. Т. 1: Генезис налогового регулирования
9. Шелкунов А.Д. Категория злоупотребления налогоплательщика в российской арбитражной практике и практике Суда ЕС // Право и экономика. 2010. N 11.
10. Луполянский Д.О., Рейдель Л.Б. «Проблема злоупотребления правом в налоговой сфере»// Международная научно-практическая конференция «Теория и практика современной юридической науки» Город Самара 2016.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИМУЩЕСТВОМ

Мусаева Э.Д.¹, к.п.н. Газзаева М.Т.²

Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет),
г. Владикавказ

Институт доверительного управления имуществом дает возможность осуществить собственнику имущества (учредителю доверительного управления) самые многообразные цели. Имущество передается в доверительное управление специалисту - предпринимателю, который, используя свои профессиональные способности, извлекает максимальную выгоду из его эксплуатации. Предоставление имущества в доверительное управление дает право собственнику извлекать выгоду из его использования доверительным управляющим, освобождая от бремени его содержания, что возлагается на доверительного управляющего. Закрывая договор доверительного управления имуществом, собственник способен руководствоваться и придерживаться стремлением оказывать помощь третьему лицу за счет использования этого имущества, однако, избавляясь при этом от хлопот, связанных с его эксплуатацией. Система доверительного управления может быть благоприятной для аккумулирования и коллективного использования имущества в интересах нескольких учредителей. Образцом может служить заключение договора доверительного управления несколькими акционерами, вследствие чего у них есть возможность объединять свои акции и тем самым наиболее повышать возможности воздействия на акционерное общество, участниками которого они являются. Договор доверительного управления может быть использован в целях более результативного использования государственного или муниципального имущества. Ведь как показывает практика, государство (органы местного самоуправления), действующее в лице своих чиновников, не всегда результативно использует имущество публичного образования, более полезным оказывается привлекать коммерческие организации для эксплуатации этого имущества. К тому же результативное использование государственного (муниципального) имущества в рамках договора доверительного управления имуществом является инструментом с целью стимулирования передачи подобного имущества частному собственнику в ходе приватизации. Таким образом, лицо, заключившее согласно итогам конкурса договор доверительного управления акциями открытого акционерного общества, принадлежащими публичному собственнику, приобретает эти акции в собственность, после того как закончился срок доверительного управления, в случае выполнения условий договора доверительного управления.

Институт доверительного управления используется и в тех случаях, когда необходимы незамедлительные меры по охране и управлению имуществом, собственник которого не определен либо не может реализовывать свои права и нести обязанности, связанные с использованием принадлежащего ему имущества. В таком случае доверительное управление учреждается по основаниям, которые предусмотрены законом. В отдельных случаях государство использует институт доверительного управления как инструмент ограничения государственных служащих в злоупотреблении своими способностями, связанными с обладанием тем или иным имуществом. Таким образом, государственные служащие, обладающие ценными бумагами, акциями (долями участия в уставных капиталах организаций), обязаны передать это имущество в доверительное управление, если владение этими активами может привести к конфликту интересов [1].

В российском законодательстве существуют правовые конструкции, которые схожи с институтом доверительного управления, так как с их помощью опосредуются взаимоотношения, связанные с правами на чужие вещи. Круг таких отношений довольно обширен. В других правовых системах также разработаны правовые конструкции, при помощи которых реализуются цели, сопряженные с доверительным управлением чужим имуществом. Особенный интерес представляет соотношение доверительного управления имуществом и классического института прецедентного права - доверительной собственности.

Субъективное право собственника вне зависимости от прав других лиц, оно не основывается на их правах на то же имущество и осуществляется согласно усмотрению собственника. А при возникновении необходимости передать управление имуществом собственника другим лицам, последний наделяет их частью прав самого собственника в пределах, им определяемых. Общепризнанным считается и то, что при передаче имущества другим лицам для использования (по договору имущественного найма, в хозяйственное ведение и т. д.) непосредственно собственник сохраняет за собой триаду правомочий, и только возможность реализации их в определенной мере временно ограничена, но опять же по воле собственника. Таким образом, несомненно, что в соответствии с российским законодательством не может существовать право

собственности на одно и то же имущество у различных субъектов, кроме отношений общей собственности. Как верно отмечает проф. Е.А. Суханов, внедрение института траста в отечественную правовую систему повлекло бы ломку уже устоявшейся правовой системы [6]. Именно во избежание путаницы понятий законодатель вполне обоснованно не использует в ГК РФ термин «траст». ГК РФ содержит норму о том, что передача имущества в доверительное управление не влечет перехода права собственности к доверительному управляющему (п. 1 ч. 2 ст. 1012 ГК РФ) [2]. Возникает вопрос, по какой причине законодатель не включает право доверительного управляющего в категорию вещных прав лиц, не являющихся собственниками? Мнения ученых по этому поводу разделились: некоторые авторы относят данное право к категории вещных прав.

Правильность этого сомнительна. Законодатель, на наш взгляд, придает праву доверительного управления обязательственно-правовой характер, принимая во внимание, что данное право возникает в большинстве случаев из договора и доверительный управляющий действует не в своих личных интересах, а в интересах собственника имущества или выгодоприобретателя. Михалевская И.С. отмечает, что, «иными словами, у доверительного управляющего имеются права владения, пользования и распоряжения имуществом, носящие целевой характер» [5]. Однако доверительному управляющему относятся все три правомочия собственника с незначительными ограничениями. Поэтому право доверительного управления — одно из самых обширных по объему.

Несмотря на некоторые положительные и полезные в современных условиях качества, институту доверительного управления имуществом придается неоправданно большое значение. Доверительное управление может применяться лишь в тех случаях, когда нет возможности установить право хозяйственного ведения или оперативного управления. Сходство вышеуказанных правовых институтов с доверительным управлением заключается в том, что собственник передает имущество для управления иному лицу. Вместе с тем между доверительным управлением, с одной стороны, и ограниченными вещными правами, с другой стороны, имеется и ряд значительных отличий. Таким образом, передаче имущества в хозяйственное ведение (оперативное управление) неминуемо предшествует образование нового субъекта права, обладающего специальной правоспособностью, - унитарного предприятия (учреждения). Вновь созданный субъект обладает определенной степенью зависимости от собственного учредителя, который устанавливает предмет деятельности учреждаемого им лица, контролирует использование имущества, вправе осуществить его ликвидацию. В то же время отношения по доверительному управлению складываются между двумя независимыми и самостоятельными субъектами оборота. Согласно общему правилу собственник не вправе вмешиваться в управление имуществом, хотя и вправе требовать отчета от доверительного управляющего[4].

Учредителями ограниченных вещных прав могут выступать только лишь публичные собственники, в то время как доверительное управление вправе учредить любой субъект права, обладающий имуществом на праве собственности (а в случаях, установленных законом, - и иные лица). В случае, если доверительный управляющий обязан осуществлять правомочия только в интересах учредителя управления или выгодоприобретателя, то субъекты ограниченного вещного права наделены правами владения, пользования и распоряжения имуществом как в интересах собственника, так и в собственных интересах. Сфера правомочий субъекта права хозяйственного ведения (оперативного управления) обуславливается законом, в то время как круг правомочий при передаче имущества в доверительное управление определяется договором и субсидиарно – законом [3]. С точки зрения правовой природы сопоставляемых институтов право хозяйственного ведения и право оперативного управления являются вещными правами, а право доверительного управления сконструировано равно как институт обязательственного права.

Вплоть до недавнего времени основной проблемой было отсутствие четкой правовой регламентации отношений доверительного управления имуществом. На сегодняшний день нормативно-правовая база в области регулирования отношений по доверительному управлению имуществом активно формируется органами различного уровня и в различных областях правового регулирования. Тем не менее, договор доверительного управления имуществом не применяется на практике так широко может быть и потому, что этот институт еще достаточно новый и к тому же существуют схожие с доверительным управлением институты, которые раньше его стали применяться на практике и уже успели стать известными участникам гражданского оборота в России.

Список литературы

1. Абрамова Е.Н., Арсланов К.М., Байгушева Ю.В., Валеев Д.Х., Грачев В.В., Иванов Н.В., Крашенинников Е.А., Мазур О.В., Никифоров И.В., Павлов А.А., Сергеев А.П., Скворцов О.Ю., Терещенко Т.А., Тычинин С.В., Чельшев М.Ю., Чуваков В.Б., Шевченко А.С., Шевченко Г.Н. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая: учебно-практический комментарий (под ред. д.ю.н., проф. А.П. Сергеева; 2-е изд., перераб. и доп.). - "Проспект", 2016 г.
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // СПС «Консультант Плюс».
3. Кряжевских К.П. Право оперативного управления и право хозяйственного ведения государственным имуществом. –Спб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004, - с. 354.
4. Лачуев К.Г. Правовая природа прав доверительного управляющего по договору доверительного управления имуществом // Государство, право и управление. Материалы IV - й Всероссийской научно-практической конференции, 23 апреля 2014 г. - М.: Изд-во ГУУ, 2014. - Вып. 2. - С. 126.
5. Михалевская И.С. Договор управления залогом и договор доверительного управления в гражданском праве России //Закон и право. - 2014. - № 9.
6. Суханов Е.А. Право собственности: Комментарий ГК РФ // Хозяйство и право. 1995. № 6. С. 4.

ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В КОНСТИТУЦИИ РФ И ДРУГИХ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТАХ

Черепанова Е.А.

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

В течение последних десятилетий в нашей стране происходят коренные изменения в системе отношений собственности, изменения коснулись административных начал в управлении экономикой на рыночные принципы, которые призваны обеспечить равенство всех форм собственности и хозяйствования.

Государственная собственность является одной из важнейших составляющих экономической системы. Она охватывает большой массив объектов, являющихся инструментами обеспечения устойчивого экономического роста и социального благополучия населения страны. От эффективности управления собственностью в значительной степени зависит общественно-экономическое развитие государства.

Берли в своем исследовании отмечает, что «собственность есть отношение между индивидом или группой индивидов и реальной осязаемой и неосязаемой вещью. Он также утверждал, что собственность, которая рассматривается теоретически, имеет две группы свойств или характерных признаков: с одной стороны, она может быть средством создания благ, развития производства, с другой - дает возможность получать наслаждение и вкушать блага»[1]. Такой подход означает разделение объектов собственности на средства производства и предметы потребления.

Право опосредует экономические и иные общественные отношения между людьми. Опосредствуя отношения собственности, право тем самым юридически закрепляет отношение отдельного лица (физического или юридического) к конкретному имуществу, конкретным вещам, материальным благам: посредством соответствующих правовых норм устанавливается содержание правоотношений собственности, права и обязанности субъектов права к определенным, конкретно выраженным предметам материального мира. С помощью гражданско-правовых норм устанавливается право собственности определенного лица, право владеть, пользоваться и распоряжаться определенными, конкретно выраженными объектами собственности.

Под системой прав собственности понимают совокупность норм, регулирующих доступ к редким ресурсам. Эти нормы могут санкционироваться не только государством, но и обществом - в виде обычаев, моральных установок, религиозных заповедей.

Собственность не является ресурсом сама по себе, а выступает как «пучок прав» или доля прав по использованию ресурсов. Каждый «пучок» может расщепляться так, что одна часть прав принадлежит одному агенту, вторая - второму и т.д. Доля прав охватывает ряд элементов: право владения, право

пользования, право управления, право на доход, право на отчуждение, право на безопасность, право на передачу благ в наследство, запрет использования в ущерб и т.п. Чем шире набор полномочий, закрепленных за ресурсом, тем выше его ценность. В науке гражданского права традиционно выделяется триада полномочий собственника, составляющих содержание основного объема его прав: право владения, право пользования и право распоряжения.

Концепция ГК РФ по этому вопросу (ст. 209) исходит из того, что содержание права собственности состоит из права владения, права пользования и права распоряжения своим имуществом. Названные правомочия составляют юридически обеспеченные возможности владельца, они принадлежат ему до тех пор, пока он остается собственником.

Как показывает практика, в конституциях и законах многих демократических государств в XX в. значительно изменился подход к концепции права собственности. Традиционная триада полномочий — владение, пользование и распоряжение объектами права собственности с незначительными законодательными ограничениями были дополнены существенными социальными, экологическими, экономическими, здравоохранительными и иными обязанностями и ограничениями. Об этом свидетельствуют, например, широкое применение термина «социальная функция собственности» (в конституциях Италии[2], Испании[3], Бразилии[4] и других стран) или общепринятое толкование примененного в Конституции США[5] понятия «всеобщее благосостояние» в качестве одной из высших целей общества и государства.

Одной из наиболее точных формулировок природы собственности представляется положение, приведенное в Конституции ФРГ: «Собственность обязывает. Использование ее должно одновременно служить общему благу»[6]. Из таких конституционных положений вытекают изменения в содержании права собственности, раскрываемые в современном трудовом, гражданском, земельном, административном и ином законодательстве, обобщаемые новыми конституционными положениями или новым толкованием более ранних положений конституции.

Таким образом, проблема различного понимания права собственности в конституционном, гражданском и иных отраслях права; необходимость поиска «общего знаменателя».

Глава вторая Конституции РФ посвящена имущественным правам, а именно праву собственности граждан.

Как уже было отмечено выше, что собственность является государственно-правовым институтом. Например, п. 1 ст. 1 ГК РФ содержит принцип неприкосновенности собственности, ч. 3 ст. 35 Конституции России представлена конституционными гарантиями частной собственности[7].

Если в конституционном праве понятие права собственности практически совпадает с аналогичным европейским, то в гражданском праве оно несколько уже.

Конституция Российской Федерации отличается от ряда Конституций выше указанных зарубежных стран тем, что в ней отсутствуют всякие упоминания о социальной функции собственности и вытекающих из этого обязанностях частных собственников. Такие нормы встречаются в гражданском, земельном законодательстве.

В тексте Конституции РФ понятие «собственность», является многозначным. Часть 1 статьи 130 Конституции России понятие «собственности» используется как синоним понятия «имущество» (ч. 2 ст. 35), а часть 2 статьи 8 Конституции РФ, гласит, что собственность – это организационно-правовая форма участия в гражданском обороте, которая в Российской Федерации защищается равным образом.

Что касается субъектного состава, то нельзя не отметить некоторой неопределенности, содержащейся в Конституции РФ относительно того, кто является субъектом права собственности, защищаемого статьей 35.

В Конституции РФ нет упоминания о юридических лицах в качестве субъектов права собственности. Статья 36 Конституции содержит исключение, упоминающее объединения граждан как субъекта права собственности на землю. В оставшихся случаях речь идет только о гражданах. Следовательно, в Конституции Российской Федерации по субъектному составу в отношении права собственности нет некой определенности, поскольку в нормах основного закона нет прямого упоминания о юридических лицах.

Из сказанного выше напрашивается вопрос о том, что, Конституция России охраняет только право собственности физических лиц?

По нашему мнению, вопрос должен быть отрицательным, поскольку право собственности юридических лиц должно охраняться нормами основного закона России наравне с физическими лицами.

По этому поводу член Конституционного суда РФ Г.А. Гаджиев пишет, что «частная собственность участников товариществ и обществ обладает свойством делимости, поэтому их конституционные права являются все-таки индивидуальными, а не коллективными. Но для облегчения осуществления этих индивидуальных конституционных прав используется кооперационная правовая форма, посредством которой происходит согласование волеизъявлений многих частных собственников»[8].

Юридическое лицо действительно является формой согласования волеизъявлений его участников-частных собственников. Но оно одновременно является субъектом права с обособленным имуществом, принадлежащим ему на праве собственности. Неважно при этом, что собственность юридического лица обладает свойством делимости; это предмет правоотношений, возникающих внутри юридического лица между его участниками. Следует так же заметить, что юридическое лицо для третьих лиц выступает единственным собственником своего имущества.

Таким образом, существует лишь одно право собственности с единым, одинаковым для всех набором правомочий, у которого могут быть лишь различные субъекты.

На законодательном уровне следует дополнить главу вторую Конституции России нормой о защите права собственности юридических лиц наравне с правом собственности лиц физических.

---

¹ Берли А. Власть без собственности. М., 1999. С. 104.

² Конституция Итальянской Республики. Принята в 1947 г. Конституционной ассамблеей, вступила в силу 01.01.1948.

³ Конституция Испании (принята референдумом 06.12.1978).

⁴ Конституция Федеративной Республики Бразилия (принята 05.10.1988).

⁵ Конституция США (принята 17.09.1787 на Конституционном Конвенте в Филадельфии).

⁶ Основной закон ФРГ (принят 23.05.1949 Парламентским Советом ФРГ).

⁷ Конституция Российской Федерации: принята 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ; 30.12.2008 № 7-ФКЗ; 05.02.2014 № 2-ФКЗ; 21.07.2014 № 11-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

⁸ Гаджиев Г.А. Защита основных прав и свобод предпринимателей за рубежом и в Российской Федерации М., 1995. С. 134.

Список литературы

1. Берли А. Власть без собственности. М., 1999.
2. Гаджиев Г.А. Защита основных прав и свобод предпринимателей за рубежом и в Российской Федерации М., 1995.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.03.2017, с изм. от 22.06.2017) // Российская газета. 1994. 8 декабря.
4. Конституция Российской Федерации: принята 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ; 30.12.2008 № 7-ФКЗ; 05.02.2014 № 2-ФКЗ; 21.07.2014 № 11-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
5. Конституция Итальянской Республики. Принята в 1947 г. Конституционной ассамблеей, вступила в силу 01.01.1948.
6. Конституция Испании (принята референдумом 06.12.1978).
7. Конституция Федеративной Республики Бразилия (принята 05.10.1988).
8. Конституция США (принята 17.09.1787 на Конституционном Конвенте в Филадельфии).
9. Основной закон ФРГ (принят 23.05.1949 Парламентским Советом ФРГ).

СЕКЦИЯ №4.

ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

К ВОПРОСУ О ГАРАНТИЯХ И КОМПЕНСАЦИЯХ РАБОТНИКАМ, ЗАНЯТЫМ НА РАБОТАХ С ВРЕДНЫМИ И (ИЛИ) ОПАСНЫМИ УСЛОВИЯМИ ТРУДА

Короткова Е.А.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», г. Саранск

В связи с принятием Федерального закона от 28.12.2013 г. № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда» (далее – ФЗ № 426-ФЗ) возникла необходимость внесения изменений в другие законодательные акты РФ, в том числе в Трудовой кодекс РФ (далее – ТК РФ), что было сделано Федеральным законом от 28.12.2013 г. № 421-ФЗ (далее – ФЗ № 421-ФЗ). В частности, поправки, внесенные в ТК РФ, предусматривают введение процедуры специальной оценки условий труда (далее – СОУТ) как основного инструмента для решения вопроса о предоставлении гарантий и компенсаций работнику, если он занят на работах с вредными и (или) опасными условиями труда.

Прежде всего, необходимо дать определение понятиям «гарантии» и «компенсации». Согласно ст. 164 ТК РФ гарантии – это средства, способы и условия, с помощью которых обеспечивается осуществление предоставленных работникам прав в области социально-трудовых отношений. В науке трудового права нет однозначного подхода к определению данного понятия. Анализируя точки зрения различных авторов, А. Я. Петров приходит к выводу, что гарантии в сфере трудового права – это способы реализации трудовых прав работников, использование которых происходит при наступлении условий, определенных в трудовом законодательстве и иных нормативных правовых актах, которые содержат нормы трудового права, в коллективном договоре, соглашениях, локальных нормативных актах и трудовом договоре¹.

Компенсации – это денежные выплаты, установленные в целях возмещения работникам затрат, которые связаны с исполнением ими трудовых или иных обязанностей, предусмотренных ТК РФ и другими федеральными законами (ст. 164 ТК РФ). В науке трудового права под компенсациями понимаются выплаты, предназначенные для возмещения дополнительных материальных расходов, которые работник производит в связи с исполнением им трудовых обязанностей или в связи с необходимостью прибыть к месту работы (в случае распределения и перераспределения трудовых ресурсов), а также в иных случаях, предусмотренных законом².

При этом в литературе отмечается, что компенсации нельзя приравнивать исключительно к денежным выплатам. К ним также необходимо относить нравственные, духовные, творческие и иные затраты (нематериальные блага), которые связаны с исполнением работником своих трудовых обязанностей³.

Важно также проводить разграничение между понятиями «компенсации» и «компенсационные выплаты». В большинстве случаев смешение данных категорий происходит в сфере оплаты труда за вредные и (или) опасные условия труда. Так, согласно абз. 13 ч. 1 ст. 219 ТК РФ каждый работник имеет право, в частности, на гарантии и компенсации, установленные в соответствии с ТК РФ, коллективным договором, соглашением, локальным нормативным актом, трудовым договором, в том случае, если он занят на работах с вредными и (или) опасными условиями труда. При этом ТК РФ установлено, что за работу в условиях, отклоняющихся от нормальных (в том числе во вредных и (или) опасных условиях труда), работнику полагаются доплаты и надбавки компенсационного характера, то есть компенсационные выплаты, которые в силу ст. 129 ТК РФ являются составной частью заработной платы.

В Информационном письме от 14 марта 2006 года №106 Высший Арбитражный Суд РФ определил, что компенсации и компенсационные выплаты следует отличать друг от друга, поскольку компенсации, которые предусмотрены в ст. 164 ТК РФ не являются составной частью заработной платы. Основным отличительный признак одних выплат от других – это их целевое назначение. Так, компенсации призваны возместить затраты, которые понес работник. В свою очередь, компенсационные выплаты направлены на

¹ Петров А. Я. Гарантии и компенсации: вопросы теории российского трудового права // Право. Журнал высшей школы экономики. 2013. № 4. С. 68.

² Калпина Н. В. Компенсационные выплаты по советскому трудовому праву. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1971. С. 8.

³ Петров А. Я. Гарантии и компенсации: вопросы теории российского трудового права // Право. Журнал высшей школы экономики. 2013. № 4. С. 69.

возмещение неблагоприятных последствий, связанных с самим характером работ (например, отклоняющиеся от нормальных условия труда)⁴.

В научной литературе, а также в разъяснениях органов государственной власти нет единого подхода к пониманию того, что является «гарантиями», «компенсациями», а что относится к «компенсационным выплатам» для работников, занятых во вредных и (или) опасных условиях труда, особенно это касается оплаты их труда.

Так, не ясна позиция Департамента налоговой и таможенно-тарифной политики Минфина РФ. В своем Письме он отмечает, что ни ТК РФ, ни иные нормативные правовые акты РФ не рассматривают оплату труда в части повышения тарифных ставок (окладов) в качестве компенсационной выплаты. В то же время Департамент указывает на то, что доплаты к заработной плате работникам, занятым на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, не могут рассматриваться в качестве компенсаций в смысле ст. 164 ТК РФ, а всего лишь повышают размер оплаты труда вышеназванным работникам⁵.

Ю. Жижерина также смешивает понятия «компенсации» (по смыслу ст. 164 ТК РФ) и надбавки за работу во вредных и (или) опасных условиях труда (то есть «компенсационные выплаты» по смыслу ст. 129 ТК РФ)⁶.

М. В. Краснорудская считает, что такие выплаты необходимо считать выплатами по оплате труда (а не компенсациями) или как минимум гарантиями⁷. Ежегодный дополнительный оплачиваемый отпуск автор считает гарантией, а не компенсацией по смыслу ст. 164 ТК РФ⁸. Однако в силу того, что он является оплачиваемым, Департамент налоговой и таможенно-тарифной политики Минфина РФ отнес его к компенсациям⁹.

Денежную компенсацию, выплачиваемую работникам, занятым на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, при увеличении установленной для них сокращенной продолжительности рабочего времени до 40 часов в неделю, М. В. Краснорудская относит к компенсациям, а не к гарантиям¹⁰.

Таким образом, считаем, что необходимо на законодательном уровне разграничить рассматриваемые понятия, а именно: «гарантии», «компенсации», «компенсационные выплаты», «денежные компенсации». При этом важно обратить внимание на то, что установленные для работников, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, гарантии не устраняют воздействия на них вредных и опасных производственных факторов. Поскольку безопасные условия труда в таком случае не могут быть гарантированы работникам, то речь можно вести лишь о компенсации воздействия вредных и опасных факторов производственной среды и трудового процесса на здоровье работников путем предоставления дополнительного оплачиваемого отпуска, установления сокращенной продолжительности рабочего времени, повышенной оплаты труда. То есть, несмотря на то, что не все из них имеют денежное выражение, их следует считать скорее компенсациями, а не гарантиями.

Определим, какие гарантии и компенсации положены в настоящее время работникам в связи с работой во вредных и (или) опасных условиях труда. В соответствии с абз. 5 ч. 1 ст. 92 ТК РФ в новой редакции для данной категории работников предусмотрена сокращенная продолжительность рабочего времени – не более 36 часов в неделю. Однако она установлена только в отношении работников, на рабочих местах которых условия труда по результатам проведения СОУТ были отнесены к вредным (3 или 4 степени) или опасным условиям труда. Таким образом, сокращенная продолжительность рабочего времени

---

⁴ Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел, связанных с взысканием единого социального налога: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 14 марта 2006 года № 106 // Российская Бизнес-газета. 2006. № 17.

⁵ Облагаются ли НДФЛ и ЕСН доплаты к заработной плате и оплата дополнительных отпусков работникам, занятым на тяжелых работах, работах с вредными и (или) опасными условиями труда: Письмо Минфина РФ от 19 июня 2009 года № 03-04-06-02/46.

⁶ Жижерина Ю. Надбавки и доплаты к окладу, связанные с условиями труда // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. 2017. № 1. С. 48.

⁷ Краснорудская М. В. Результаты проведения специальной оценки условий труда: гарантии и компенсации в новых условиях // Правовые вопросы в здравоохранении. 2015. № 2. С. 93.

⁸ Там же. С. 92.

⁹ Облагаются ли НДФЛ и ЕСН доплаты к заработной плате и оплата дополнительных отпусков работникам, занятым на тяжелых работах, работах с вредными и (или) опасными условиями труда: Письмо Минфина РФ от 19 июня 2009 года № 03-04-06-02/46.

¹⁰ Краснорудская М. В. Результаты проведения специальной оценки условий труда: гарантии и компенсации в новых условиях // Правовые вопросы в здравоохранении. 2015. № 2. С. 84.

по новым правилам не может быть установлена для работников, на рабочих местах которых условия труда признаны вредными, но отнесены к подклассу 3.1 или 3.2. Ранее такая сокращенная продолжительность рабочего времени устанавливалась для всех работников, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, независимо от подклассов. Однако сейчас из данного правила существует исключение. При этом установлено, что, основываясь на отраслевом (межотраслевом) соглашении и коллективном договоре, а также письменном согласии работника, оформленным посредством заключения отдельного соглашения к трудовому договору, такая сокращенная продолжительность рабочего времени может быть увеличена до 40 часов в неделю. Вместе с тем, предусмотрена обязанность выплатить работнику отдельно устанавливаемую денежную компенсацию в порядке, размерах и на условиях, определенных отраслевыми (межотраслевыми) соглашениями, коллективными договорами.

Что касается оплаты труда работников, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, то она так же, как и ранее осуществляется в повышенном размере (ч. 1 ст. 146 ТК РФ). Прежним остался и минимальный размер повышения оплаты труда рассматриваемой категории работников (4% тарифной ставки (оклада), которая установлена для различных видов работ с нормальными условиями труда). Данное правило закреплено теперь в ст. 147 ТК РФ.

В силу ст. 117 ТК РФ в новой редакции ежегодный дополнительный оплачиваемый отпуск предусмотрен только для работников, условия труда на рабочих местах которых по результатам проведенной СОУТ отнесены к вредным (2, 3 или 4 степени) или опасным условиям труда. Ранее такой вид отпуска предоставлялся всем работникам, занятым на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, без исключений. Минимальная продолжительность ежегодного дополнительного оплачиваемого отпуска для таких работников осталась прежней и составляет 7 календарных дней. Важно также отметить, что согласно новым правилам, основываясь на отраслевом (межотраслевом) соглашении и коллективных договорах, а также письменном согласии работника, оформленном посредством заключения отдельного соглашения к трудовому договору, часть ежегодного дополнительного оплачиваемого отпуска, превышающая минимальную продолжительность такого отпуска, может быть заменена отдельно устанавливаемой денежной компенсацией в порядке, в размерах и на условиях, определенных отраслевым (межотраслевым) соглашением и коллективными договорами. Ранее осуществление такой замены было невозможно в силу ст. 126 ТК РФ.

Следовательно, СОУТ исправила ошибку АРМ и ужесточила критерии предоставления компенсаций. В настоящее время они устанавливаются исключительно в зависимости от подклассов вредности. Это, безусловно, приведет к возможности экономии для работодателей, однако, в то же время, сократится количество работников, для которых такие гарантии и компенсации будут назначаться.

Важно также отметить, что в ч. 3 ст. 15 ФЗ № 421-ФЗ установлено следующее правило, которое должно применяться в переходный период с 01 января 2014 года до 31 декабря 2018 года: при реализации в соответствии с положениями ТК РФ в отношении работников, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, компенсационных мер, которые направлены на ослабление негативного воздействия на их здоровье вредных и (или) опасных факторов производственной среды и трудового процесса (сокращенная продолжительность рабочего времени, ежегодный дополнительный оплачиваемый отпуск или денежная компенсация за них, а также повышенная оплата труда), порядок и условия осуществления таких мер не могут быть ухудшены, а размеры снижены по сравнению с порядком, условиями и размерами фактически реализуемых в отношении указанных работников компенсационных мер по состоянию на 01 января 2014 года при условии сохранения соответствующих условий труда на рабочем месте, которые явились основанием для назначения реализуемых компенсационных мер.

На практике в настоящее время встречаются проблемы, связанные с применением переходных положений. Обратимся к судебной практике.

Председатель НП РСМП (Независимого профсоюза работников скорой медицинской помощи) К.Т.И. в интересах Н. обратился в суд с апелляционной жалобой. Н. было отказано в удовлетворении требований о признании проведения СОУТ некачественной и несправедливой, приведшей к снижению гарантий работника, работающего во вредных условиях труда.

В ГБУЗ РК в апреле – мае 2014 года организацией, проводящей СОУТ, вместе с работодателем была проведена СОУТ выездного медицинского персонала. В сентябре 2014 года с результатами СОУТ был ознакомлен профсоюзный орган работников. При этом было установлено, что карты СОУТ ухудшали гарантии работников по сравнению с проведенной в 2009 году АРМ. Судебная коллегия оставила в силе решение суда первой инстанции. Судом первой инстанции установлено, что АРМ у ответчика была

проведена в декабре 2008 года. По результатам АРМ выездному персоналу за работу во вредных и (или) опасных условиях труда был установлен класс 3.2 или 3.3 (вредные условия труда 2 или 3 степени).

По результатам СОУТ для рабочего места Н. была составлена карта, в соответствии с которой класс условий труда составил 3.2. При этом по химическому фактору был выставлен класс 3.2, а по шуму, инфразвуку, вибрации общей, параметрам микроклимата, параметрам световой среды, тяжести и напряженности трудового процесса – 2 класс. В качестве необходимых гарантий и компенсаций предусмотрены повышенная оплата труда, ежегодный дополнительный оплачиваемый отпуск. Таким образом, в результате СОУТ изменились условия предоставления гарантий и компенсаций работникам.

Основываясь на положениях ст.ст. 92, 117, 147 ТК РФ, которые устанавливают дополнительные гарантии для работников, занятых во вредных условиях труда, суд первой инстанции отметил, что поскольку класс условий труда на рабочем месте Н. в результате СОУТ был определен организацией, проводящей СОУТ, верно и в соответствии с ним истцу предоставляются дополнительные гарантии и компенсации за работу во вредных условиях труда, то исковые требования о возврате гарантий и компенсаций, в том числе, сокращенной продолжительности рабочего дня – 36 часов в неделю, не подлежат удовлетворению¹¹.

Следовательно, гарантии и компенсации, предоставляемые работникам в связи с работой во вредных и (или) опасных условиях труда, были снижены. Однако это было осуществлено правомерно, поскольку при проведении СОУТ было установлено улучшение условий труда на рабочем месте по сравнению с результатами ранее проведенной АРМ.

Рассмотрим еще одно судебное решение. А. обратился в суд с апелляционной жалобой. А. было отказано в удовлетворении требований к ФГУП «Атомфлот» в возложении обязанности по установлению сокращенной рабочей недели и перерасчете заработной платы.

В 2008 году на предприятии была начата АРМ, 27 июля 2012 года А. был ознакомлен с картой АРМ, в соответствии с которой установлен класс вредности 3.2, а, следовательно, предусмотрена сокращенная рабочая неделя – не более 36 часов. В апреле 2014 года предписанием Государственной инспекции труда было указано не применять результаты АРМ и провести СОУТ до 31 декабря 2014 года. СОУТ рабочего места А. до времени рассмотрения дела в суде не проводилась, условия труда на его рабочем месте не изменились, однако с 18 июня 2014 года в отношении А. установлена 40-часовая рабочая неделя.

Во исполнение указанного предписания Государственной инспекции труда генеральный директор ФГУП «Атомфлот» принял «Временное положение об учете времени занятости и порядке предоставления гарантий и компенсаций работникам ФГУП «Атомфлот», занятым на работах с вредными условиями труда». В результате рабочее время А. стало исчисляться из расчета 40-часовой рабочей недели.

Суд первой инстанции, отказав в удовлетворении требований А., основывался на том, что вышеуказанное Временное положение является действующим локальным нормативным актом, предусматривающим установление с 01 апреля 2014 года сокращенной продолжительности рабочего времени (36-часовую рабочую неделю) только для работников, на рабочих местах которых по результатам ранее проведенной АРМ установлен класс вредности 3 или 4 степени. Так как доказательств работы А. во вредных условиях труда, которые соответствовали бы такой степени вредности, не представлено, суд пришел к выводу, что у работодателя не имелось оснований для установления истцу с 18 июня 2014 года сокращенной рабочей недели.

Судебная коллегия отменила решение суда первой инстанции. В соответствии с правовым регулированием, действующим с 01 января 2014 года, объем предоставляемых компенсаций зависит от того, какая степень вредности условий труда установлена в результате СОУТ. Ранее компенсации предоставлялись работникам, работающим во вредных условиях труда, независимо от степени вредности.

Из переходных положений ФЗ № 426-ФЗ и ФЗ № 421-ФЗ следует, что к моменту вступления в силу последнего закона виды и достигнутые размеры гарантий (компенсаций), которые предоставляются работникам, на рабочих местах которых по результатам проведенной до 31 декабря 2013 года АРМ или в силу иных правовых оснований (нормативных правовых актов бывшего СССР) установлены вредные (опасные) условия труда, должны сохраняться до улучшения условий труда на данных рабочих местах, которое должно быть подтверждено результатами проведения СОУТ¹². То есть пересмотр предоставляемых

---

¹¹ Апелляционное определение Верховного суда Республики Коми от 01.10.2015 г. № 33-4811/2015.

¹² Апелляционное определение Мурманского областного суда от 04.03.2015 г. № 33-353.

компенсаций работникам, занятым на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, возможен лишь по результатам СОУТ в случае улучшения этих условий.

В целом в настоящее время работодатели, в большинстве случаев, злоупотребляют правом, проводя СОУТ в переходный период до истечения сроков действия результатов ранее проведенной АРМ с целью сокращения предоставляемых работникам гарантий и компенсаций, а, следовательно, в интересах экономии. То есть, уже в переходный период можно констатировать факт ухудшения положения многих работников, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, в части предоставления им гарантий и компенсаций.

Таким образом, можно сделать вывод, что в сфере правового регулирования вопросов предоставления гарантий и компенсаций в связи с работой во вредных и опасных условиях труда существует ряд проблем. Прежде всего, в рассматриваемой области не разграничены понятия «гарантии», «компенсации», «компенсационные выплаты», «денежные компенсации». На практике возникает ряд вопросов при применении переходных положений законодательства. В целом же, гарантии и компенсации, предоставляемые работникам по результатам проведения СОУТ, значительно снижены по сравнению с предоставляемыми по результатам ранее проводимой АРМ.

Список литературы

- 1 Трудовой кодекс Российской Федерации. Принят 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (часть I). – Ст. 3.
- 2 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О специальной оценке условий труда»: Федеральный закон от 28 декабря 2013 года № 421-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 52 (часть I). – Ст. 6986.
- 3 О специальной оценке условий труда: Федеральный закон от 28 декабря 2013 года № 426-ФЗ (ред. от 13 июля 2015 года) // Российская газета. – 2013. – № 295.
- 4 Облагаются ли НДФЛ и ЕСН доплаты к заработной плате и оплата дополнительных отпусков работникам, занятым на тяжелых работах, работах с вредными и (или) опасными условиями труда: Письмо Минфина РФ от 19 июня 2009 года № 03-04-06-02/46 [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обновления: август 2017 г.).
- 5 Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел, связанных с взысканием единого социального налога: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 14 марта 2006 года № 106 // Российская Бизнес-газета. – 2006. – № 17.
- 6 Апелляционное определение Мурманского областного суда от 04.03.2015 г. № 33-353. – [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». (дата обращения: 15.08.2017 г.)
- 7 Апелляционное определение Верховного суда Республики Коми от 01.10.2015 г. № 33-4811/2015. – [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». (дата обращения: 15.08.2017 г.).
- 8 Жижерина Ю. Надбавки и доплаты к окладу, связанные с условиями труда / Ю. Жижерина // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. – 2017. – № 1. – С. 42 - 55.
- 9 Калпина Н. В. Компенсационные выплаты по советскому трудовому праву. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 1971. – 21 с.
- 10 Краснорудская М. В. Результаты проведения специальной оценки условий труда: гарантии и компенсации в новых условиях / М. В. Краснорудская // Правовые вопросы в здравоохранении. – 2015. – № 2. – С. 80-99.
- 11 Петров А. Я. Гарантии и компенсации: вопросы теории российского трудового права / А. Я. Петров // Право. Журнал высшей школы экономики. – 2013. – № 4. – С. 62-76.

СЕКЦИЯ №5.

ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

**СЕКЦИЯ №6.
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ;
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО**

**НАСИЛИЕ ПРИ СОВЕРШЕНИИ РАЗВРАТНЫХ ДЕЙСТВИЙ:
МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?**

Алиева Е.А.

ФГБОУВО Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» [9] правоприменитель отмечает, что преступные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетнего, кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства, для признания их развратными не должны носить насильственный характер и не должны быть сопряжены с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица.

Таким образом, в настоящее время презюмируется, что развратные действия являются ненасильственными действиями сексуального характера.

Так, по мнению С.В. Векленко ненасильственный характер является характерным признаком развратных действий [2, С. 16-17]. Исследователь Т.А. Коргутлова относит развратные действия к числу ненасильственных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы [8, С. 144], ее мнение разделяют Л.В. Готчина, Л.В. Логинова [3, С. 118] и А.А. Бимбинов [1, С. 22-23].

Ряд ученых-правоведов утверждают о неперменном наличии прямой корреляции между применением насилия и сексуальным проникновением или воздействием на половые органы потерпевшего [10, С. 131], ведь иначе «безграничное понимание "иных сексуальных действий" приведёт к неоправданному расширению рамок уголовной ответственности и возможному применению закона по аналогии» [7, С. 14].

К сожалению, разделить данную точку зрения не представляется возможным, поскольку сексуальное проникновение не всегда связано с применением силы или угрозой ее применения, а собственно насилие сводится не только к преднамеренному физическому действию, но и может быть реализовано в виде угрозы применения физической силы или власти [4, С. 5].

В настоящее время правоприменитель квалифицирует развратные действия по-разному, зачастую в зависимости от возраста потерпевшего, но не от факта наличия или отсутствия какого бы то ни было насилия.

Анализ правоприменительной практики показал, что квалификация развратных действий по п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ или по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ крайне редко связана собственно с фактами применения насилия, в том числе физического, то есть сопряженного с нарушением телесной неприкосновенности несовершеннолетнего вопреки его воле, а обусловлена возрастом потерпевшего. Факты применения психического насилия, то есть насилия, сопряженного с воздействием на психику жертвы путем угроз для достижения преступного результата, и вовсе не учитываются.

При этом при совершении бесконтактных развратных действий злоумышленники часто прибегают к психологическому насилию в отношении несовершеннолетней жертвы. Это выражается в использовании приемов шантажа и угроз с целью побуждения несовершеннолетнего лица к демонстрации своего тела в частично обнаженном виде и совершении акта мастурбации перед веб-камерой, к фотографированию себя в нижнем белье и в полуобнаженном виде, пересылке данных фотоизображений и др.

Могут использоваться следующие приемы психологического воздействия: общение от лица женского пола, использование «заманчивого» статуса (например, работника фотомодельного агентства), апелляция к «взрослости» девочки, прямые, директивные требования (инструкции), убеждение.

Нередко несовершеннолетнему навязывается подчиненная роль, оказывается психологическое давление посредством негативных (угрозы, выражение пренебрежительного отношения к интересам, потребностям несовершеннолетнего лица) и позитивных (похвалы, выражение симпатии, эмоциональная аргументация, убеждение в положительном воздействии на девочку и др.) стимулов.

Исследователь В.В. Иванова указывает, что говорить о применении психического насилия в отношении жертвы уместно, когда имеют место быть угрозы применения физического насилия, уничтожения или повреждения имущества, распространения позорящей и компрометирующей информации [6, С. 35].

В законопроекте о профилактике семейно-бытового насилия [5] используется термин «сексуальное насилие», содержание которого определяется через принуждение к половым отношениям посредством силы, угроз или шантажа.

Зарубежный законодатель при установлении уголовной ответственности за преступные посягательства на половую неприкосновенность детей учитывает, что злоумышленник может использовать обман, угрозы, злоупотребление властью или любые другие методы запугивания или принуждения (ст. 125 УК Республики Аргентина [11]).

В российском уголовном законодательстве очевиден пробел, связанный с невозможностью привлечения к уголовной ответственности за насильственные развратные действия. Его устранение возможно путем закрепления квалифицирующего признака, зафиксированного в ч. 2 ст. 135 УК, следующим образом: «те же действия, совершенные с применением насилия или с угрозой его применения», и исключения из ч. 1 указания на ненасильственный характер рассматриваемого деяния соответственно.

Кроме того, необходимо внести соответствующие изменения в постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» - исключить из определения развратных действий указание на их ненасильственный характер.

Список литературы и источников

1. Бимбинов А.А. Ненасильственные половые преступления: Дисс. ... канд. юрид. наук / А.А. Бимбинов. - Москва, 2015.
2. Векленко С.В., Николаев К.Д. Преступления против половой неприкосновенности: историко-правовой и сравнительно-правовой аспекты / С.В. Векленко, К.Д. Николаев. - Воронеж, 2010.
3. Готчина Л.В., Логинова Л.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних / Л.В. Готчина, Л.В. Логинова. - М., 2015.
4. Дальберг Л., Круг Э. Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире / под ред. Э. Круга. - М., 2003.
5. Законопроект № 1183390-6 «О профилактике семейно-бытового насилия». [Электронный ресурс] URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/1183390-6> (дата обращения – 26.08.2017)
6. Иванова В.В. Преступное насилие / В.В. Иванова. - М., 2002.
7. Изотов Н.Н. Уголовная ответственность за насильственные действия сексуального характера: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. / Н.Н. Изотов. - Ставрополь, 2000.
8. Коргутлова Т.А. Половые преступления: теоретические и практические аспекты / Т.А. Коргутлова // Современное право. 2009. № 10.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. N 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Доступ из СПС «Консультант Плюс».
10. Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В.С. Комиссарова. - СПб.: Питер, 2008.
11. Уголовный кодекс Аргентины / Науч. редактирование и вступительная статья докт. юрид. наук, профессора Ю. В. Голика; перевод с испанского Л. Д. Ройзенгурта. - СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. С. 65.

СЕКЦИЯ №7. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

МЕДИАЦИЯ: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Дубровин В.В.¹

¹ К.ю.н., доцент кафедры Уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
МГИМО (У) МИД России

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

Развитие уголовно-процессуального права – постоянный процесс, следующий за изменением общественных отношений, которые оно регулирует. При отсутствии такого развития возникает разрыв между отношениями, складывающимися в обществе, и их правовым регулированием.

К сожалению, отечественная правовая система в сфере уголовного судопроизводства характеризуется тем, что многие ее правовые институты не используются должным образом, хотя могли бы, при правильном подходе, значительно упростить достижение целей, закрепленных в законодательстве.

Одним из таких институтов является примирение сторон, закрепленное в ст. 25 УПК РФ, и разновидность такого примирения сторон – медиация.

Тем не менее, в правоприменительной практике зафиксировано негативное отношение к институту посредничества. Так, в письме заместителя Генерального прокурора РФ А.Г. Звягинцева от 2 сентября 2003 г. № 21/2-118-03 указано, что, хотя ст. 25 УПК РФ и ст. 76 УК РФ допускают возможность прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон, проведение каких-либо примирительных встреч обвиняемого с потерпевшим с участием «посредника», а также использование в стадии предварительного расследования «социально-правовых технологий ресоциализации несовершеннолетних обвиняемых» действующим законодательством не предусмотрено.

Институт медиации не противоречит УПК РФ, более того, медиация, как метод, несомненно согласуется с проводимой в России судебно-правовой реформой, так как законодатель неслучайно в ст. 6 УПК РФ в числе приоритетных задач назвал защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

Таким образом, совершенствование механизма примирения сторон путем включения в него медиации позволило бы полнее выполнять поставленную законодателем задачу.

В научной среде распространено мнение, что назрела необходимость принятия специального федерального закона, регулирующего правоотношения в области примирительных процедур, что позволило бы более оптимально его использовать. Но представляется более целесообразным прежде всего уточнить правовое регулирование института примирения сторон, дополнив его возможностью использования услуг медиатора для достижения соглашения о примирении.

Одно только это дополнение даст возможность закрепить данную деятельность в правовом поле так, чтобы медиация, с одной стороны, имела официальный статус, закрепленный в законе, и, с другой стороны, соглашение, достигнутое в ходе медиативных процедур, имело юридическую силу для правоохранительных органов.

Представляется, что развитие правового института примирения сторон через его дополнение институтом медиации позволит более успешно разрешать еще одну проблему уголовного судопроизводства – возмещение вреда от преступления.

Включение медиативных процедур в институт примирения сторон позволит ставить эту задачу (возмещения вреда) во главу угла, при наличии на то желания потерпевшего, так как в ходе медиации будет производиться поиск оптимального решения уголовно-правового конфликта, который устраивал бы обе стороны: как потерпевшего, так и обвиняемого.

Таким образом, выполняется одно из назначений уголовного судопроизводства: обеспечивается защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (ч. 1 ст. 6 УПК РФ), в том числе и конституционное право на компенсацию причиненного преступлением вреда (ст. 52 Конституции РФ).

Почему еще необходимо внедрять медиацию именно в составе примирения сторон? Прежде всего, чтобы отсечь саму формальную возможность проводить медиацию по уголовным делам по тяжким и особо тяжким преступлениям.

Медиация является результатом проникновения диспозитивных начал в уголовное судопроизводство, но не стоит забывать, что уголовное преследование – это функция государства, сфера публичного права и императивного метода правового регулирования. Поэтому, медиация должна быть ограничена именно областью преступлений небольшой и средней тяжести, то есть такими, в которых интересы общества и государства менее терпят урон, нежели интересы конкретного потерпевшего.

В целом же медиация является логичным результатом развития правового института примирения сторон, давая возможность разрешить уголовно-правовой конфликт не традиционными средствами уголовного судопроизводства, которые характеризуются привлечением обвиняемого к уголовной ответственности с предусмотренными для него правовыми последствиями, а путем поиска компромисса при помощи специалиста, который устроил бы все три стороны: потерпевшего, обвиняемого и государство.

Существует мнение, что необходимо изменить саму концепцию уголовного преследования, необходим переход от стратегии «войны с преступностью» к «восстановительному правосудию».

Так, современная концепция правосудия направлена на то, чтобы лицо, совершившее преступление, понесло уголовное наказание. В основе восстановительного правосудия заложена идея о том, что лицо осознает последствия преступления и принимает меры, чтобы загладить причиненный потерпевшему вред.

Стоит отметить, что эта концепция достаточно широко распространена в таких зарубежных странах, как США, Великобритания, ФРГ, Франция и других. Находит она свое закрепление и в международных нормативных актах.

Эта концепция является предметом отдельной, весьма оживленной дискуссии, но можно отметить, что по преступлениям небольшой и средней тяжести она вполне применима. Более того, она может способствовать тому, что органы, ведущие предварительное расследование, и суд будут существенно разгружены.

Российская Федерация не стоит вне этих процессов, безусловно воспринимая положительный опыт правового регулирования, по возможности имплементируя его, развивая отечественное законодательство и правовое регулирование.

Но хотелось бы обратить внимание на то, что правовое регулирование должно развиваться последовательно, правовые институты должны быть органичными по отношению к отрасли права, в которую включены, они не должны внедряться в действующее правовое регулирование как чужеродный элемент, который вызывает отторжение и не может эффективно работать.

Развивая правовой институт примирения сторон, путем включения в него медиации, мы, с одной стороны, позволяем большему количеству лиц, вовлеченных в уголовно-правовые отношения в качестве потерпевших и обвиняемых, выйти из них, восстановив нарушенные преступлением права и возместив причиненный им вред (для потерпевших), и с минимальными для себя потерями (для обвиняемых).

С другой стороны, мы позволяем правоохранительной системе сосредоточить свои усилия на преступлениях большей общественной опасности, нежели преступления небольшой и средней тяжести.

Пристатейный библиографический список

1. Багмет А. Прекращение уголовных дел судом в связи с примирением сторон // Законность. 2007. № 4. С. 38-40.
2. Волеводз А.Г., Дубровин В.В. Правовое регулирование возмещения вреда, причиненного преступлением, по законодательству США // Юридический мир. 2010. № 4. С. 35-42.
3. Волеводз А.Г., Дубровин В.В. Правовое регулирование возмещения вреда, причиненного преступлением, по законодательству зарубежных стран // Юридический мир. 2009. № 11. С. 50-67.
4. Воскобитова Л.А. Перспективы развития института примирения сторон в уголовном судопроизводстве России // Мировой судья. 2007. № 1. С. 8-11.
5. Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб. 2002. 544 с.
6. Головкин Л.В. Институт уголовно-правовой медиации и его перспективы в Российской Федерации // Закон: Апрель. 2009. № 4. С. 127-135.
7. Гуськова А.П. Медиация как метод восстановительного правосудия в уголовном судопроизводстве // Уголовный процесс. 2009. № 10. С. 25-27;
8. Гуськова А.П., Маткина Д.В. Медиация в уголовном процессе // Российский судья. 2009. № 2. С. 34-37.

9. Дорошков В.В. Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности. М., 2004. 320 с.
10. Дубровин В.В. Возмещение вреда, причиненного преступлением, путем компенсации со стороны государства (отечественный и зарубежный опыт) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2010. № 3. С. 15-19.
11. Дубровин В.В. Государственная компенсация потерпевшему вреда, причиненного преступлением // Законодательство. 2010. № 11. С. 75-78.
12. Дубровин В.В. Из истории развития правового регулирования института гражданского иска в уголовном процессе России // История государства и права. 2009. № 4. С. 20-23.
13. Дубровин В.В. От примирения сторон к медиации в уголовном судопроизводстве России // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2011. № 1. С. 90-95.
14. Дубровин В.В. Правовое регулирование возмещения вреда, причиненного преступлением, по законодательству Федеративной Республики Германии // Международное уголовное право и международная юстиция. 2009. № 4. С. 31-36.
15. Дубровин В.В. Правовое регулирование возмещения вреда, причиненного преступлением, по законодательству Французской Республики // Международное уголовное право и международная юстиция. 2010. № 1. С. 18-23.
16. Дубровин В.В. Регулирование вопросов возмещения вреда, причиненного преступлением, в международно-правовых документах Организации объединенных наций // Международное уголовное право и международная юстиция. 2009. № 1. С. 26-33.
17. Комбарова Е.Л. Процессуальные особенности примирения сторон при рассмотрении уголовных дел мировыми судьями России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2007. № 1. С. 291-293.
18. Марковичева Е.В. Потенциальные возможности института медиации в ускорении российского уголовного судопроизводства // Современное право. 2009. № 11. С. 114-116.
19. Пахомова С.Ю. Правовые и социальные предпосылки становления примирительных процедур (в том числе медиации) в уголовном процессе России // Третейский суд. 2010. № 1. С. 143-150.
20. Попаденко Е.В. Альтернативные средства разрешения уголовно-правовых конфликтов в российском и зарубежном праве. М., Издательство «Юрлитинформ», 2009. 176 с.
21. Рябцева Е.В. Судебная деятельность в состязательном уголовном процессе. Воронеж, 2005. 320 с.

РЕАБИЛИТАЦИЯ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ НАРУШЕННЫХ ПРАВ: НЕДОСТАТКИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Дубровин В.В.¹

¹ К.ю.н., доцент кафедры Уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
МГИМО (У) МИД России

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

Конституция Российской Федерации в ст. 2 провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства. В случаях причинения вреда в результате уголовного преследования в российском законодательстве предусмотрен правовой институт реабилитации, которая базируется на положениях ст. 53 Конституции, гарантирующей каждому право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностными лицами.

Конституционно-правовой принцип ответственности государства за незаконные действия (или бездействие) органов государственной власти или их должностных лиц нашел свое выражение в уголовно-процессуальном законодательстве в институте реабилитации.

В соответствии с п. 34 ст. 5 УПК РФ реабилитация представляет собой порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда. По сути, реабилитация является признанием государством ошибки своих

должностных лиц с одновременным возвращением утраченного имущества или возмещением его стоимости, восстановления в правах, статусах, репутации и положении. Более того, реабилитация является одним из назначений уголовного судопроизводства, закрепленного в ч. 2 ст. 6 УПК РФ.

Из определения, закрепленного в УПК РФ, следует, что реабилитация включает в себя два направления деятельности в отношении лиц незаконно или необоснованно подвергнутых уголовному преследованию: восстановление прав и свобод и возмещение причиненного вреда.

Этим направлениям дается уточнение в ч. 1 ст. 133 УПК, в которой указано, что право на реабилитацию включает в себя право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах. Вред возмещается государством в полном объеме вне зависимости от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда.

Тем не менее, можно утверждать, что данные положения не могут быть реализованы в полном объеме, так как законодательство РФ не предусматривает таких правовых механизмов.

Так, реабилитация позволяет восстановить нарушенные трудовые, пенсионные, жилищные и иные права. Необходимо отметить, что нарушенные трудовые и пенсионные права, выразившиеся в неполучении заработной платы и пенсии, восстанавливаются в порядке возмещения имущественного вреда, в соответствии со ст. 135 УПК.

Пенсионные права, требующие восстановления, связаны с исчислением трудового и иного стажа, влияющих на право получения пенсии, и вполне могут быть восстановлены путем возложения соответствующей обязанности на Пенсионный Фонд РФ. Здесь вполне применимы подзаконные нормативные акты, о которых речь пойдет ниже.

При восстановлении жилищных прав реабилитированного лица органы государственной власти или местного самоуправления, администрация организации (в зависимости от того, в чьей собственности, полном хозяйственном ведении или оперативном управлении находится соответствующий жилищный фонд) возвращают реабилитированного, утратившему право пользования жилым помещением вследствие незаконного осуждения, ранее занимаемое им жилое помещение, а при невозможности возврата предоставляют ему в установленном порядке вне очереди в том же населенном пункте равноценное благоустроенное жилое помещение с учетом действующих норм жилой площади и состава семьи.

Указанный правовой механизм возможен только при договоре социального найма. При возникновении жилищных прав на основании договора найма жилого помещения (коммерческий наем) применение такого правового механизма невозможно.

Под иными правами понимается восстановление реабилитированного лица в воинском, специальном, почетном звании или классном чине, а также о возвращении ему государственных наград. При подобном обращении суд, рассмотрев требование реабилитированного лица в порядке, предусмотренном ст. 399 УПК РФ, и признав его обоснованным, должен указать на это в своем постановлении и в целях реализации прав реабилитированного направить копию постановления в соответствующий государственный орган для решения вопроса о восстановлении реабилитированного лица в соответствующем звании или классном чине, а также о восстановлении его в правах на государственные награды.

Определенные трудности правового регулирования существуют с восстановлением трудовых прав, которые связаны с трудовыми отношениями, существовавшими у реабилитированного лица до уголовного преследования и прекратившимися в связи с ним, несмотря на то, что реабилитация в части восстановления в трудовых правах направлена именно на ликвидацию отрицательных последствий, наступивших для реабилитированного в сфере трудовых отношений. В соответствии со ст. 81 ТК трудовой договор может быть расторгнут по инициативе работодателя в случае прогула, то есть отсутствия на рабочем месте без уважительных причин в течение всего рабочего дня (смены), независимо от его (ее) продолжительности, а также в случае отсутствия на рабочем месте без уважительных причин более четырех часов подряд в течение рабочего дня (смены), что неизбежно в случае применения такой меры пресечения как домашний арест либо заключение под стражу, либо в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 83 ТК, так как трудовой договор подлежит прекращению в случае осуждения работника к наказанию, исключающему продолжение прежней работы (лишение свободы, ограничение свободы, арест, запрещение занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью), в соответствии с приговором суда, вступившим в законную силу.

В случае реабилитации лицу должна быть предоставлена прежняя работа (должность), а при невозможности этого – другая равноценная работа (должность). Это должно произойти на основании постановления судьи, вынесенном в соответствии с ст.ст. 397 и 399 УПК.

Самым сложным в процедуре восстановления нарушенных трудовых прав представляется именно предоставление прежней (равноценной) работы (должности), поскольку предусмотренные для этого правовые механизмы, существующие в российском законодательстве, устарели и не отвечают современным экономическим реалиям, в то время как изменение записи в трудовой книжке, а также пересчет трудового стажа могут быть исполнены и в соответствии с действующим законодательством и подзаконными нормативными актами.

Возвращаясь к вопросу о предоставлении прежней (равноценной) работы: каким образом постановление судьи, предписывающее такое восстановление нарушенных трудовых прав, может быть исполнено? Представляется, что его должен исполнить работодатель реабилитированного лица. Похожие положения можно найти в п. 2 ч. 1 ст. 83 ТК, которая содержит положение о восстановлении на работе работника, ранее выполнявшего эту работу, по решению суда. Стоит отметить, что указанное положение ТК не предусматривает обязанности работодателя восстановить реабилитированного, а регулирует прекращение трудового договора с лицом, который выполняет работу (занимает должность) реабилитированного. По сути, ТК не содержит положений о порядке восстановления на работе реабилитированного лица, хотя, безусловно, подобное постановление судьи о восстановлении реабилитированного на прежней работе и в прежней должности является обязательным для администрации организации любой формы собственности, неисполнение которого влечет ответственность, предусмотренную законом.

Если работодатель имеет возможность исполнить постановление судьи о восстановлении трудовых прав реабилитированного, то эти права будут восстановлены. Но как быть в иной ситуации? Что делать если возможность исполнить постановление судьи о восстановлении трудовых прав реабилитированного отсутствует, например, если работодатель – юридическое лицо, которое ликвидировано в установленном законом порядке?

Представляется, что в таком случае постановление судьи о восстановлении трудовых прав реабилитированного невозможно исполнить и нарушенные государством трудовые права реабилитированного в результате незаконного или необоснованного уголовного преследования государством же не могут быть восстановлены! Государство, в лице своих органов, не обязано предоставлять реабилитированному лицу другую равноценную работу (должность). Только зарегистрировать реабилитированного на бирже труда как безработного и предложить ему подходящую работу в общем порядке. Но это никак не относится к восстановлению нарушенных трудовых прав при реабилитации.

Пристатейный библиографический список

1. Богданов Д.Е. Особенности ответственности за вред, причиненный публично-правовыми образованиями // Адвокат. 2012. № 3.
2. Волеводз А.Г., Дубровин В.В. Правовое регулирование возмещения вреда, причиненного преступлением, по законодательству США // Юридический мир. 2010. № 4.
3. Волеводз А.Г., Дубровин В.В. Правовое регулирование возмещения вреда, причиненного преступлением, по законодательству зарубежных стран // Юридический мир. 2009. № 11.
4. Дубровин В.В. Амнистия: случайный гуманизм уголовной политики // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 3 (14).
5. Дубровин В.В. Возмещение вреда в рамках реабилитации в уголовном процессе России: недостатки правового регулирования // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 2 (13).
6. Дубровин В.В. Возмещение вреда, причиненного преступлением, путем компенсации со стороны государства (отечественный и зарубежный опыт) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2010. № 3.
7. Дубровин В.В. Государственная компенсация потерпевшему вреда, причиненного преступлением // Законодательство. 2010. № 11.
8. Дубровин В.В. Из истории развития правового регулирования института гражданского иска в уголовном процессе России // История государства и права. 2009. № 4.
9. Дубровин В.В. От примирения сторон к медиации в уголовном судопроизводстве России // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2011. № 1.

10. Дубровин В.В. Правовое регулирование возмещения вреда, причиненного преступлением, по законодательству Федеративной Республики Германии // Международное уголовное право и международная юстиция. 2009. № 4.
11. Дубровин В.В. Правовое регулирование возмещения вреда, причиненного преступлением, по законодательству Французской Республики // Международное уголовное право и международная юстиция. 2010. № 1.
12. Дубровин В.В. Регулирование вопросов возмещения вреда, причиненного преступлением, в международно-правовых документах Организации объединенных наций // Международное уголовное право и международная юстиция. 2009. № 1.
13. Николук В.В. Конституционно-правовые проблемы возмещения вреда лицам, незаконно подвергнутым мерам уголовно-процессуального принуждения // Российский следователь. 2010. № 17.
14. Осин В.В. Порядок реабилитации не соответствует положениям Конституции РФ и международному законодательству // Адвокат. 2008. № 5.
15. Рохлин В., Миронов М. Институт реабилитации // Законность. 2007. № 5.
16. Супрун С.В. О реабилитации невиновных в Российской Федерации // Российский судья. 2010. № 10.
17. Татьяна Д.В. Реабилитация в уголовном процессе России (понятие, виды, основания). М.: Издательство «Юрлитинформ». 2007.

ПРАВО ОБВИНЯЕМОГО НА РАССМОТРЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ОСОБОМ ПОРЯДКЕ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ГРУППЕ

Касаткина С.А.

Институт государства и права РАН, г. Москва

В соответствии с положениями гл. 40 УПК РФ, определяющей особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, обвиняемому предоставлено право на выбор упрощенной формы уголовного судопроизводства. При этом на следователя, дознавателя возложена обязанность разъяснить обвиняемому данное право после ознакомления с материалами уголовного дела (ч. 5 ст. 217 УПК РФ). Ходатайство обвиняемого о применении особого порядка судебного разбирательства, которое может быть отражено в протоколе ознакомления с материалами уголовного дела, либо заявлено непосредственно на предварительном слушании, когда его проведение является обязательным, не влечет автоматического рассмотрения уголовного дела в порядке гл. 40 УПК РФ. Суд вправе постановить приговор без проведения судебного разбирательства в общем порядке, т.е. удовлетворить заявленное обвиняемым ходатайство, при наличии ряда условий, предусмотренных ст. 314 УПК РФ.

На практике еще одним, не предусмотренным в ст. 314 УПК РФ условием рассмотрения уголовного дела в отношении нескольких обвиняемых в особом порядке является наличие об этом ходатайств всех обвиняемых. Следует сказать, что в действующем законе не содержится нормы о том, как следует поступать суду в случае, если по уголовному делу обвиняется несколько лиц, а ходатайство об особом порядке заявили лишь некоторые из них. Об этом имеется разъяснение Пленума Верховного Суда РФ в п. 7 постановления от 05.12.2006 г. № 60 (ред. от 22.12.2015 г.) «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел»[1]. Так, при невозможности выделить дело в отношении лиц, заявивших ходатайство об особом порядке судебного разбирательства, в отдельное производство, такое дело в отношении всех обвиняемых должно слушаться в общем порядке. Конституционный Суд РФ, рассмотревший обращения обвиняемых, в отношении которых уголовные дела были рассмотрены в общем порядке в связи с тем, что другими соучастниками не были заявлены ходатайства о применении особого порядка судебного разбирательства, ссылаясь в т.ч. на вышеуказанную позицию Верховного Суда РФ, не усмотрел нарушений конституционного права на судебную защиту (Определения КС РФ от 24 сентября 2013 г. № 1474-О; от 24.03.2015 г. № 535-О[2]).

Рассмотрим проблему реализации обвиняемым, совершившим преступление в группе, права на выбор упрощенной процессуальной формы рассмотрения уголовного дела.

Совершенно очевидно, что среди прочих мотивов, которыми определяется позиция обвиняемого относительно процессуальной формы судебного разбирательства, первостепенным является предусмотренное законом ограничение возможного наказания при постановлении приговора в особом порядке. В соответствии с ч. 5 ст. 62 УК РФ срок и размер наказания, назначаемый лицу, уголовное дело в отношении которого рассмотрено в порядке, предусмотренном гл. 40 УПК РФ, не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление. Необходимо обратить внимание, что данное основание снижения наказания не отнесено к числу предусмотренных ст. 61 УК РФ обстоятельств, смягчающих наказание; никаких не связано ни со степенью опасности совершенного преступления, ни с личностью виновного. Возможность снижения наказания в случае постановления приговора в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением объясняется исключительно утилитарными причинами предоставления обвиняемому определенного снисхождения (в размере назначаемого по приговору суда наказания) в обмен на его добровольный отказ от использования всего механизма судебной защиты, когда такой отказ допустим законом.

В условиях рассмотрения уголовного дела о групповом преступлении в общем порядке, несмотря на наличие со стороны кого-либо из обвиняемых ходатайства о постановлении приговора в особом порядке, применяются общие правила назначения наказания, т.е. обвиняемый, согласившийся с обвинением, утрачивает право на ограниченный не более двумя третями размер наказания. В теории было высказано иное мнение, согласно которому при рассмотрении дела в общем порядке в связи с отсутствием согласия всех обвиняемых с предъявленным обвинением, в целях обеспечения реализации прав того обвиняемого, которым было заявлено ходатайство о применении особого порядка судебного разбирательства, назначаемое ему наказание должно быть ограничено теми пределами, которые предусмотрены ч. 5 ст. 62 УК РФ[3]. Такая позиция не соответствует закону. Как следует из ч. 5 ст. 62 УК РФ, ограничение срока или размера наказания применяется к лицу, уголовное дело в отношении которого рассмотрено в порядке, предусмотренном гл. 40 УПК РФ. Возможность снижения наказания по данному основанию обусловлена не положительными постпреступными действиями обвиняемого (которые охватываются нормами пп. «и», «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ), а выступает своего рода «компенсацией» со стороны государства за упрощение процедуры судебного разбирательства. Если порядок разрешения уголовного дела не изменился, несмотря на наличие со стороны обвиняемого соответствующего волеизъявления, отсутствуют законные основания для снижения размера предусмотренного УК РФ наказания по ч. 5 ст. 62 УК РФ.

Насколько такое ограничение права обвиняемого, согласившегося с обвинением и ходатайствовавшего о рассмотрении уголовного дела в особом порядке, на снижение наказания справедливо? Снижение наказания обусловлено сокращенной процедурой, применить которую суд не мог ввиду отсутствия волеизъявления иных соучастников на такое упрощение. Получается, что вследствие реализации одним обвиняемым своего права на защиту в общем порядке, другие обвиняемые, которые добровольно приняли решение о своей защите в упрощенном порядке, в т.ч. исходя из возможного снижения наказания, оказываются лишеными этого права. В такой ситуации не исключается оказание давления на обвиняемого, не желающего соглашаться с обвинением, со стороны соучастников, заинтересованных в рассмотрении уголовного дела в особом порядке.

Возможно, проблема реализации обвиняемым права на выбор упрощенной процедуры судебного разбирательства могла бы быть разрешена путем выделения судом уголовного дела в отношении обвиняемого, согласившегося с обвинением и заявившего ходатайство об особом порядке судебного разбирательства. Такие предложения высказывались в юридической литературе[4]; о возможности выделения судом уголовного дела указано также в вышеупомянутом постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Федеральным законом от 23.06.2013 г. № 217-ФЗ[5] в УПК РФ были внесены изменения, касающиеся предоставления суду полномочий по выделению уголовного дела. В соответствии с п. 7 ч. 1 ст. 236 УПК РФ по результатам предварительного слушания суд вправе вынести решение о выделении или невозможности выделения уголовного дела в отдельное производство. Согласно ст. 239.1 УПК РФ по поступившему уголовному делу суд при наличии оснований, предусмотренных УПК РФ, вправе принять решение о выделении уголовного дела в отдельное производство и направлении его по подсудности в соответствии со ст. 31 УПК РФ, если раздельное рассмотрение судами уголовных дел не отразится на всесторонности и объективности их разрешения[6].

Применительно к процедуре, предусмотренной гл. 40 УПК РФ, в ходе которой суд не исследует непосредственно в судебном заседании собранные доказательства, ограничиваясь изучением письменных материалов дела, всесторонность имеет нормативное ограничение. Следовательно, решая вопрос о возможности выделения уголовного дела в отношении обвиняемого, заявившего ходатайство об особом порядке, суд, очевидно, должен исходить из необходимости обеспечить всесторонность по тому уголовному делу, которое будет рассматриваться в общем порядке.

При наличии противоречий в показаниях соучастников, касающихся признаков состава преступления или роли каждого из них в его совершении, раздельное разрешение уголовных дел в отношении лиц, согласившихся с обвинением, и лиц, предъявленное обвинение не признавших (полностью или в части), не будет отвечать установленным в ст. 239.1 УПК РФ требованиям. Вместе с тем, вероятно, не исключаются ситуации, когда рассмотреть уголовные дела все-таки возможно и раздельно без ущерба для всесторонности и объективности судебного разбирательства. Однако, как отмечается в литературе, отсутствие механизма «технического» разделения дел, неясность ситуации с обвинительным заключением, которое касается всех обвиняемых, в т.ч. и тех, в отношении которых уголовное дело выделено в отдельное производство, не будет способствовать принятию судами решений о выделении уголовных дел до тех пор, пока данные пробелы не будут либо устранены законодателем, либо разъяснены высшей судебной инстанцией[7]. Как показывает судебная практика, в настоящее время суды первой инстанции при отсутствии ходатайств всех обвиняемых об особом порядке судебного разбирательства решений о выделении уголовных дел не выносят; в опубликованной судебной практике, несмотря на наличие у суда полномочий по выделению уголовного дела в отдельное производство, продолжают встречаться судебные постановления о возвращении уголовных дел прокурору по ст. 237 УПК РФ, которые впоследствии отменяются как несоответствующие закону[8].

Обратившись к норме ст. 239.1 УПК РФ, позволяющей суду принимать решение о выделении уголовного дела в отдельное производство «при наличии оснований, предусмотренных УПК РФ», становится очевидным невозможность ее применения к рассматриваемой ситуации отсутствия ходатайств всех обвиняемых на рассмотрение уголовного дела в особом порядке даже в случаях соблюдения требований всесторонности и объективности их раздельного разрешения по следующим причинам.

Основания выделения уголовного дела сформулированы в ст. 154 УПК РФ применительно к досудебной стадии производства по делу, к числу которых отнесены и те, которые связаны с последующей упрощенной формой судебного разбирательства: при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ) и при проведении дознания в сокращенной форме (гл. 32.1 УПК РФ). Отдельное основание выделения уголовных дел предусмотрено ст. 436 УПК РФ и касается лиц, совершивших деяние в состоянии невменяемости, или лиц, у которых психическое расстройство наступило после совершения преступления. Основания выделения судом уголовного дела о преступлениях, совершенных в соучастии, закреплены в ч. 7.1. ст. 31 УПК РФ и касаются возможности выделения из уголовного дела, подсудного военному суду, уголовных дел в отношении лиц, не являющихся военнослужащими или не проходящих военные сборы; в ч. 2 ст. 325 УПК РФ в отношении лиц, отказывающихся от рассмотрения уголовного дела судом с участием присяжных заседателей.

Такого основания выделения уголовного дела как заявление обвиняемым ходатайства о применении особого порядка судебного разбирательства в связи с согласием с предъявленным обвинением законом не предусмотрено, что в нынешней ситуации полностью исключает право суда принять решение о выделении уголовного дела в отношении того обвиняемого, которым заявлено ходатайство о рассмотрении уголовного дела в особом порядке.

В этой связи представляется целесообразным внести в УПК РФ изменения (по аналогии с нормами ч. 7.1. ст. 31 УПК РФ, ч. 2 ст. 325 УПК РФ), дополнив ст. 314 УПК РФ нормой о праве суда выделить уголовное дело в отношении обвиняемого (обвиняемых), заявившего ходатайство о применении особого порядка судебного разбирательства, в отдельное производство, если это не отразится на объективности раздельного разрешения уголовных дел, а также не нарушит требование всесторонности рассмотрения того уголовного дела, которое будет слушаться в общем порядке.

В условиях фактической (практической и правовой) невозможности выделения уголовного дела в отдельное производство при наличии ходатайства одного из обвиняемых о применении особого порядка судебного разбирательства, такой обвиняемый лишается права на снижение наказания по основанию, предусмотренному ч. 5 ст. 62 УПК РФ. В данном случае осуществление права на защиту одного обвиняемого, желающего рассмотрение уголовного дела в общем порядке, приводит к ограничению права

на снижение наказания по установленному законом основанию (в связи с применением упрощенной процедуры рассмотрения уголовного дела) другого обвиняемого, согласившегося с обвинением и заявившего о рассмотрении уголовного дела в особом порядке.

Такой поход представляется вполне справедливым и обоснованным, поскольку судебная защита в установленном (общем) порядке тех лиц, которые соответствующих ходатайств об упрощении процессуальной формы не заявляли, в полной мере соответствует принципу презумпции невиновности. Признавая приоритет не за правом на снижение наказания одного из соучастников за счет выбора им упрощенной формы судебного разбирательства, а за правом на полноценную судебную защиту в общем порядке тех обвиняемых, которые не согласны с предъявленным обвинением, мы также исходим из того, что процедура судебного разбирательства сама по себе не является обстоятельством, которое согласно ч. 3 ст. 60 УПК РФ учитывается при назначении наказания с точки зрения обеспечения принципа справедливости.

Право на защиту с соблюдением установленного порядка оказывается первичным по отношению к праву на снижение наказания, обусловленное упрощенной процедурой судебного разбирательства. В соответствии с принципом справедливости, закрепленным ст. 6 УК РФ, наказание, применяемое к лицу, совершившему преступление, должно соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. С учетом сформулированной в законе возможности снижения наказания при рассмотрении уголовного дела по определенной (сокращенной) процедуре, в тех случаях, когда отказ от применения особого порядка судебного разбирательства обусловлен наличием возражений соучастников, суд может признать волеизъявление обвиняемого на рассмотрение уголовного дела в упрощенном порядке в качестве обстоятельства, смягчающего наказание. В соответствии с ч. 3 ст. 60 УК РФ при назначении наказания суду наряду с иными обстоятельствами надлежит учитывать смягчающие наказание обстоятельства, указанные в ч. 1 ст. 61 УК РФ, а также признанные таковыми судом в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 61 УК РФ. Поскольку перечень обстоятельств, содержащийся в ч. 1 ст. 61 УК РФ, не является исчерпывающим, при назначении наказания лицам, заявившим ходатайство о рассмотрении уголовного дела в особом порядке, суд, исходя из конкретных фактических обстоятельств (обвиняемый признал свою вину в ходе предварительного расследования, в содеянном раскаялся, дал исчерпывающие показания), может признать согласие с предъявленным обвинением в качестве смягчающего наказание обстоятельства, мотивировав данный вывод должным образом в приговоре.

---

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 2.

² СПС КонсультантПлюс.

³ См.: *Дьяконова О.Г.* Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением: проблемы теории и практики // *Российский судья*. 2010. № 4. С. 14.

⁴ См.: *Конин В.В.* Особый порядок рассмотрения уголовных дел: проблемы законодательства и судебной практики // *Российский судья*. 2010. № 3. С. 19; *Любишкин Д.Е.* О полномочии суда выделять уголовное дело в отдельное производство для рассмотрения в особом порядке судебного разбирательства // *Российская юстиция*. 2012. № 2.

⁵ Рос. газета. 2013. № 163.

⁶ Следует сказать, что появление данной нормы было обусловлено принятием Конституционным Судом РФ постановления от 19.04.2010 г. № 8-П, в котором был рассмотрен вопрос о конституционности ч. 2 ст. 325 УПК РФ, предусматривающей рассмотрение уголовного дела судом с участием присяжных заседателей в отношении всех подсудимых, в т.ч. и тех, которые соответствующих ходатайств не заявляли // *Собрание законодательства РФ*. 2010. № 18. Ст. 2276.

⁷ Об этом см.: *Воскобитова Л.А.* Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Постатейный научно-практический комментарий / отв. ред. Л.А. Воскобитова. 2015. // СПС КонсультантПлюс.

⁸ См.: Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 19.12.2016 г. по делу № 22-7066/2016 // Официальный сайт Приморского краевого суда. URL: https://kraevoy-prm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=5179958&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения 14.08.2017); апелляционное постановление Хабаровского краевого суда от 29.09.2016 г. по делу № 22-2957/2016 // Официальный сайт Хабаровского краевого суда URL: <http://sudact.ru/regular/court/xOPztYqxdk6d> (дата обращения 14.08.2017).

Список литературы

1. Воскобитова Л.А. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Постатейный научно-практический комментарий / отв. ред. Л.А. Воскобитова. 2015. // СПС КонсультантПлюс.
2. Дьяконова О.Г. Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением: проблемы теории и практики // Российский судья. 2010. № 4. С. 14.
3. Конин В.В. Особый порядок рассмотрения уголовных дел: проблемы законодательства и судебной практики // Российский судья. 2010. № 3. С. 19.
4. Любишкин Д.Е. О полномочии суда выделять уголовное дело в отдельное производство для рассмотрения в особом порядке судебного разбирательства // Российская юстиция. 2012. № 2.

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ФРАНЦИИ

Усачев А.А., Котлярова Л.Н.

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, г. Москва
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Москва

Отечественная дореволюционная правовая доктрина традиционно рассматривала российское право (а, следовательно, и уголовно-процессуальное право) в общем контексте с правом европейских государств, поскольку исторически российское уголовно-процессуальное законодательство достаточно длительное время находилось под влиянием именно континентальной системы права. Общими чертами для стран континентальной системы права применительно к уголовному судопроизводству являются, в частности, следующие: 1) в роли основного источника уголовно-процессуального права выступают кодифицированные законодательные акты, в систематизированном виде регламентирующие досудебное и судебное производство по уголовному делу; 2) в отличие от концепции «общегражданского обвинения» стран англосаксонской системы права, право уголовного преследования предоставлено уполномоченным должностным лицам и государственным органам.

Производство по уголовному делу во Франции осуществляется на основе Уголовно-процессуального кодекса, принятого в 1958 году и вступившего в силу 2 марта 1959 года [7]. Кодексом четко разграничиваются предварительные стадии (дознание, возбуждение уголовного преследования, предварительное следствие) и окончательные стадии (судебное разбирательство, апелляция и кассация).

В большинстве случаев предварительное расследование с самого начала и до конца производится в форме дознания, осуществляемого полицией и национальной жандармерией (являющейся военным формированием и входящей в структуру министерства обороны). Лишь по тем делам, по которым в силу прямого указания закона (а иногда и в зависимости от усмотрения прокурора) производство предварительного следствия признается обязательным, полицейское дознание предшествует предварительному следствию [6, с. 10].

Стадия дознания начинается с момента получения или обнаружения («установления фактов нарушения уголовного закона» - ст. 14 УПК Франции) информации о совершенном преступлении и заканчивается принятием прокурором решения о наличии либо отсутствии оснований для возбуждения уголовного преследования. При дознании осуществляется раскрытие преступления, розыск подозреваемых и совершаются неотложные процессуальные действия, а также подготавливаются материалы, необходимые прокурору для принятия решения о возбуждении уголовного преследования, квалификации деяния и передаче дела в соответствующий орган (следственному судье или в суд).

Дознание начинается либо по инициативе самой судебной полиции, либо по инициативе прокурора, которому она подчинена. Начало дознания и, соответственно, начало уголовного процесса специальными процессуальными решениями не фиксируется.

Можно прийти к выводу, что по своей сущности французское дознание сопоставимо с тем, что в российском уголовном процессе называют «доследственной проверкой», то есть с проверкой сообщений или заявления о преступлении в порядке ст. 144 УПК РФ, предшествующей принятию решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в нем. Однако при проведении дознания полиция имеет право

задерживать подозреваемых, производить более широкий круг следственных действий, чем это предусмотрено в российском уголовно-процессуальном законодательстве.

В настоящее время французское уголовное судопроизводство предусматривает 4 формы дознания: дознание очевидных преступлений (проступков), первоначальное дознание, дознание сомнительной смерти и проверка личности [4, с. 310].

При дознании очевидных преступлений (проступков) полиция обладает максимально широкими полномочиями, в том числе по применению мер процессуального принуждения. Срок производства дознания очевидных преступлений в соответствии с Законом от 23 июня 1999 года составляет не более восьми дней.

Первоначальное дознание является формой дознания, которое, напротив, проводится при отсутствии признаков (условий) очевидности. УПК Франции не устанавливает никаких процессуальных оснований, необходимых для его начала. Это дает полиции возможность производить предварительное дознание по любому поводу, даже при отсутствии определенных данных о совершении уголовно-наказуемого деяния [6, с. 17]. При производстве первоначального дознания полиция лишена права на применение процессуального принуждения, за исключением задержания, которое может производиться не более чем на 24 часа. В соответствии со ст. 76 УПК Франции при производстве первоначального дознания обыски, посещения жилых помещений и изъятия вещественных доказательств могут иметь место только с согласия заинтересованного лица. Вместе с тем, в последние 2-3 десятилетия наметилась тенденция, связанная с более широким применением принуждения в ходе первоначального дознания (так, ст. 706-24 УПК по делам о терроризме разрешила производство обысков и иных действий с санкции суда; ст. 78 УПК в редакции Закона от 4 января 1993 года установила возможность принудительного привода свидетеля по любому делу).

Дознание сомнительной смерти – это специальная форма дознания, в результате проведения которого либо констатируется естественная смерть лица, либо, при обратном выводе, следует дальнейшая уголовно-процессуальная деятельность (чаще всего проводится одна из общих форм дознания).

Четвертой формой дознания является проверка личности (при этом разделяют проверку личности в узком смысле, когда отсутствуют меры процессуального принуждения, и установление личности, когда такие меры применяются – возможно задержание сроком на 4 часа; после окончания проверки личности могут начаться первоначальное дознание или предварительное следствие) [4, с. 310-313].

Данные, полученные судебной полицией при производстве дознания, имеют доказательственное значение [2, с. 70].

Дознание не является обязательной стадией французского уголовного процесса. Его проведение целиком зависит от того, нужна ли прокурору дополнительная информация при принятии решения о возбуждении уголовного преследования (публичного иска). Если прокурор и без судебной полиции располагает всеми необходимыми сведениями, то он вправе возбудить уголовное преследование без проведения дознания (в этом случае возбуждение уголовного преследования в определенной мере можно сравнить с возбуждением уголовного дела в российском уголовном процессе). При возбуждении уголовного преследования специальное постановление о возбуждении публичного иска (уголовного преследования) не выносится. Прокурор вправе отказать в возбуждении уголовного преследования по мотиву его нецелесообразности.

После возбуждения уголовного преследования начинается производство предварительного следствия.

Рассмотрев особенности решения вопроса о начале досудебного производства в уголовно-процессуальном законодательстве Франции, можно сделать следующие выводы:

- 1) в отличие от российского уголовного процесса, порядок возбуждения уголовного преследования основан на принципе целесообразности;
- 2) начальный момент производства по уголовному делу формально не фиксируется;
- 3) действия, связанные с началом досудебного производства, не выделяются в отдельную часть (стадию) уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Головкин, Л. В. Принципы неотвратимости ответственности и публичности в современном российском уголовном праве и процессе / Л. В. Головкин // Государство и право. – 1999. – № 3. – С. 61-68.
2. Головкин, Л. В. Формы дознания в уголовном процессе Франции / Л. В. Головкин // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. – 1994. – № 1. – С. 64-70.
3. Гуценко, К. Ф. Уголовная юстиция США: Критический анализ правовых институтов, обеспечивающих уголовную репрессию / К. Ф. Гуценко. – М.: Юрид. лит., 1979. – 207 с.
4. Гуценко, К. Ф. Уголовный процесс западных государств / К. Ф. Гуценко, Л. В. Головкин, Б. А. Филимонов. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2001. – 480 с.
5. Ковалев, В. А. Органы расследования и судебная система Великобритании: Учеб. пособие / В. А. Ковалев, С. Г. Чаадаев. – М.: ВЮЗИ, 1985. – 49 с.
6. Лубенский, А. И. Предварительное расследование по законодательству капиталистических государств / А. И. Лубенский. – М.: Юрид. лит., 1977. – 160 с.
7. УПК Франции 1958 г. С изм. и доп. на 1 янв. 1966 г. – М., 1967.

СЕКЦИЯ №8.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

СЕКЦИЯ №9.

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

СЕКЦИЯ №10.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Трунина Е.В.

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева,
г. Саранск

Проведение таможенного контроля является наиболее чувствительной для участников внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД) сферой соприкосновения с таможенными органами. От прозрачности, быстроты его проведения, качества правового регулирования во многом зависит снижение административной нагрузки на бизнес, а значит, повышение интенсивности внешнеэкономической деятельности, удовлетворенность участников ВЭД работой таможенных органов.

Эффективное осуществление таможенного контроля, соблюдение законности, и прежде всего, прав и законных интересов участников ВЭД возможно только в условиях его четкой и полной правовой регламентации. Следует обратить внимание, что ФТС России (теперь Минфин России) не принято ни одного административного регламента, направленного на детализацию и конкретизацию порядка реализации форм и видов таможенного контроля. Между тем именно институт административных регламентов направлен на упорядочивание контрольно-надзорной деятельности органов государственной власти, повышение открытости и прозрачности данной деятельности, и, в конечном счете, призван обеспечивать соблюдение прав и законных интересов физических и юридических лиц при проведении контрольно-надзорных мероприятий [10, с. 52].

К сожалению, практика показывает, что количество судебных споров, связанных с проведением таможенного контроля, не только не уменьшается, а, напротив, имеет тенденцию к увеличению.

Лидирующие позиции в них занимает контроль таможенной стоимости и классификационного кода товаров, который участники ВЭД уже не одно десятилетие относят к «сумеречной зоне» деятельности таможенных органов РФ. Правоприменительная практика показывает, что не менее непонятной и непредсказуемой для них стала активно используемая таможенными органами система управления рисками (СУР), выступающая базовым принципом организации таможенного контроля. Безусловно, СУР является эффективным и действенным механизмом организации таможенного контроля, широко применяемой в мировой практике проведения различных видов государственного контроля [8, с. 40]. Согласно ст. 128 ТК ТС целями применения СУР являются: 1) обеспечение в пределах компетенции таможенных органов мер по защите национальной (государственной) безопасности, жизни и здоровья человека, охране окружающей среды; 2) сосредоточение внимания на областях повышенного риска и обеспечение более эффективного использования имеющихся в распоряжении ресурсов; 3) выявление, прогнозирование и предотвращение нарушений таможенного законодательства таможенного союза и (или) законодательства государств - членов таможенного союза; 4) ускорение проведения таможенных операций при перемещении товаров через таможенную границу [7].

Согласно данным ФТС России, в результате применения СУР таможенными органами в 2016 году дополнительно взыскано более 24 млрд. рублей, что на 32% больше, чем в 2015 году (более 18 млрд. рублей), возбуждено 33 518 дел об административных правонарушениях и 606 уголовных дел, принято 31 190 решений об отказе в выпуске товаров и 11 281 решение о запрете к ввозу/вывозу товаров [1]. Между тем эффективность ее применения определяется надлежащей правовой основой проведения. Не оспаривая значимость и результативность применения СУР при осуществлении таможенного контроля, хотелось бы обратить внимание на имеющиеся место недостатки.

ТК ТС содержит главу 18, в которой раскрывается правовой механизм применения СУР. Между тем СУР регламентируется не только на наднациональном уровне таможенного регулирования. Согласно пункту 3 ст. 130 ТК ТС порядок сбора и обработки информации, проведения анализа и оценки рисков, разработки и реализации мер по управлению рисками устанавливается законодательством государств - членов таможенного союза. На национальный уровень отнесено определение стратегии и тактики применения СУР (п. 1 ст. 128 ТК ТС). В Российской Федерации данный блок вопросов урегулирован приказом ФТС России [3]. Однако наряду с данным документом, ФТС России принято более десятка иных нормативных правовых актов по применению СУР. При этом данные документы, несмотря на то, что напрямую затрагивают права и законные интересы участников ВЭД, в большинстве случаев не проходят регистрацию в Минюсте России, официально не публикуются. Ориентированные на внутриведомственную деятельность, указанные документы не прописывают права и обязанности участников ВЭД, в результате чего СУР для последних является далеко не прозрачным и ясным инструментом таможенного контроля.

Между тем количество применяемых таможенными органами профилей риска только возрастает. Так, согласно официальной информации ФТС России по итогам реализации СУР в 2016 году утверждено и актуализировано 38 203 профиля рисков, из них 654 – общероссийских, 3 440 – региональных и зональных, 34 109 – целевых (в 2015 году утверждено 35 140 профилей рисков, из них 445 общероссийских, 3 761 региональных и зональных, 30 934 целевых) [1]. Возникает вопрос, а приводит ли увеличение количества профилей риска к снижению избыточного государственного контроля, улучшению взаимоотношений между участниками ВЭД и таможенными органами, или, напротив, способствует повышению плотности таможенного контроля и увеличению таможенных споров?

Анализ судебно-арбитражной практики показывает, что зачастую предметом таможенных споров, связанных с проведением таможенного контроля, является именно «срабатывание» в процессе таможенного декларирования профилей риска. В большинстве случаев данные споры рассматриваются не в пользу участников ВЭД. При этом практически отсутствует практика, связанная с реализацией предусмотренного ст. 24 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации» института ведомственного контроля, что в условиях обилия и разнообразия профилей риска становится вполне закономерным явлением [9, с. 27].

Как следует из норм ТК ТС, содержание установленных профилей и индикаторов риска предназначено для использования таможенными органами, является конфиденциальной информацией и не подлежит разглашению другим лицам, за исключением случаев, установленных законодательством РФ. Такая степень закрытости и непрозрачности СУР делает довольно малоперспективным не только ведомственное, но и судебное обжалование участниками ВЭД принимаемых (совершаемых) в рамках СУР решений, действий таможенных органов и их должностных лиц. Декларант не обладает информацией о

том, какие сведения вызвали срабатывание профиля риска, что не позволяет ему оценить правомерность решения таможенного органа, поэтому защита своих интересов у декларанта практически отсутствует.

Хотелось бы отметить тот факт, что СУР является не только механизмом повышения эффективности государственного контроля и надзора, но и, как справедливо отмечает А.В. Мартынов, необходимым условием снижения давления на бизнес [2, с. 23]. В тоже время правоприменительная практика показывает, что в сфере таможенного дела реализация СУР не всегда упрощает проведение таможенного контроля, а, напротив, зачастую способствует появлению в процессе таможенного декларирования непредвиденных и непонятных для участников ВЭД сложностей, которые не только не приводят к облегчению и ускорению проведения таможенных операций, но и может влечь для них неоправданные расходы. К примеру, в отношении перевозчика, осуществлявшего международную перевозку товаров, таможенным органом принято решение о необходимости проведения таможенного досмотра с полной выгрузкой и взвешиванием товаров и транспортных средств. С этой целью перевозчиком был заключен договор с организацией на выполнение работ по погрузке и загрузке грузов, предусматривающий оплату в сумме 57 250 тыс. руб. В результате проведения таможенного досмотра каких-либо нарушений в действиях перевозчика выявлено не было. Перевозчик обжаловал решение таможенного органа о проведении таможенного досмотра в арбитражный суд, потребовав взыскать с ФТС России причиненные ему убытки. Арбитражные суды отказали в удовлетворении требований, аргументировав тем, что таможенным органом было выявлено два профиля риска – общероссийский и региональный, порядок применения которых нарушен не был [4;5]. Стоит предположить, что ознакомление перевозчика с содержанием данных профилей рисков, указывающих на вероятность нарушения таможенного законодательства, позволило бы ему представить дополнительные документы и сведения и возможно избежать 100% таможенного досмотра, проведение которого повлекло для него материальный ущерб.

Следует добавить, что, несмотря на обилие нормативных правовых актов по СУР, до сих пор не отработана до конца правовая сторона его реализации, в частности, не определена правовая природа профилей риска, нет легального обоснования содержательной части его элементов [12, с.34]. В связи с этим видится очевидным, что приоритетным направлением совершенствования таможенного контроля является создание прозрачного, открытого, понятного и юридически четкого механизма применения СУР. При этом требуется, на наш взгляд, установить определённую степень открытости информации при работе с профилями и индикаторами риска, предоставив возможность получать участникам таможенного декларирования содержащиеся в профилях риска сведения в объеме, который позволит участникам ВЭД защитить права и законные интересы, в том числе оспорить их применение.

Список литературы

1. Ежегодный сборник «Таможенная служба Российской Федерации в 2016 году» // http://www.customs.ru/index2.php?id=7995&Itemid=1845&option=com_content&view=article.
2. Мартынов А.В. Применение риск-ориентированного подхода при осуществлении государственного контроля и надзора как необходимое условие снижения давления на бизнес // Юрист. 2016. С. 22-27.
3. Приказ ФТС России от 18.08.2015 № 1677 «Об утверждении стратегии и тактики применения системы управления рисками, порядка сбора и обработки информации, проведения анализа и оценки рисков, разработки и реализации мер по управлению рисками (за исключением рисков в области ветеринарии, санитарно-эпидемиологического надзора и обеспечения карантина растений)» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. № 8. 22.02.2016.
4. Постановление Тринадцатого ААС от 28 февраля 2017 г. №13АП-34982016 по делу № А56-651742016 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15 июня 2017 г. по делу № А56-651742016// СПС «КонсультантПлюс».
6. Таможенный кодекс Таможенного союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27 ноября 2009 года № 17) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 50. Ст. 6615.

7. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (Приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // <http://www.eaeunion.org>
8. Трунина Е.В. Таможенный контроль: теория, проблемы, практика // Таможенное дело. 2008. № 3. С. 37-41.
9. Трунина Е.В. Ведомственный контроль деятельности таможенных органов Российской Федерации: проблемы правоприменения и судебная практика // Вестник арбитражной практики. 2013. № 1. С. 25-33.
10. Трунина Е.В. Административные регламенты в области таможенного дела: вопросы методологии // Право и экономика. 2013. № 12 (310). С. 50-57.
11. Федеральный закон РФ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 48. Ст. 6252.
12. Шохин С.О. Проблема научного осмысления таможенных правоотношений // Таможенное дело. 2014. № 3. С. 34-37.

СЕКЦИЯ №11.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2017 ГОД

Январь 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы юридических наук в современных условиях**», г. Санкт-Петербург

Прием статей для публикации: до 1 января 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 февраля 2017г.

Февраль 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы юриспруденции в России и за рубежом**», г. Новосибирск

Прием статей для публикации: до 1 февраля 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 марта 2017г.

Март 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы юриспруденции**», г. Екатеринбург

Прием статей для публикации: до 1 марта 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 апреля 2017г.

Апрель 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция «**Теория и практика современной юридической науки**», г. Самара

Прием статей для публикации: до 1 апреля 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 мая 2017г.

Май 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы юриспруденции и пути решения**», г. Омск

Прием статей для публикации: до 1 мая 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июня 2017г.

Июнь 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция «**Проблемы и перспективы юриспруденции в современных условиях**», г. Казань

Прием статей для публикации: до 1 июня 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июля 2017г.

Июль 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция «**О некоторых вопросах и проблемах современной юриспруденции**», г. Челябинск

Прием статей для публикации: до 1 июля 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 августа 2017г.

Август 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция **«Теоретические и практические аспекты развития юридической науки»**, г. Ростов-на-Дону

Прием статей для публикации: до 1 августа 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 сентября 2017г.

Сентябрь 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция **«Современная юриспруденция: актуальные вопросы и перспективы развития»**, г. Уфа

Прием статей для публикации: до 1 сентября 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 октября 2017г.

Октябрь 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция **«Основные проблемы и тенденции развития в современной юриспруденции»**, г. Волгоград

Прием статей для публикации: до 1 октября 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 ноября 2017г.

Ноябрь 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция **«Проблемы современной юридической науки: актуальные вопросы»**, г. Красноярск

Прием статей для публикации: до 1 ноября 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 декабря 2017г.

Декабрь 2017г.

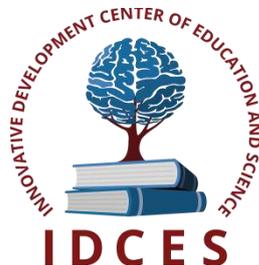
IV Международная научно-практическая конференция **«Проблемы и перспективы развития современной юриспруденции»**, г. Воронеж

Прием статей для публикации: до 1 декабря 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 января 2018г.

С более подробной информацией о международных научно-практических конференциях можно ознакомиться на официальном сайте Инновационного центра развития образования и науки www.izron.ru (раздел «Юриспруденция»).

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

**Современная юриспруденция: актуальные вопросы
и перспективы развития**

Выпуск IV

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(11 сентября 2017 г.)**

г. Уфа

2017 г.

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка авторская

Подписано в печать 10.09.2017.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 6,6.
Тираж 250 экз. Заказ № 091.

Отпечатано по заказу ИЦРОН в ООО «Ареал»
603000, г. Нижний Новгород, ул. Студеная, д. 58.